

Вовка-центровой - 3

Шопперт Андрей Готлибович

Вовка-центовой

Андрей Шопперт
Вовка-центовой 3

«Автор»

2022

Шопперт А. Г.

Вовка-центральной 3 / А. Г. Шопперт — «Автор», 2022 — (Вовка-центральной)

Владимир Фомин продолжает играть за московское «Динамо» в футбол и хоккей. Кроме того команда СССР едет на Рождество в Давос (Швейцария) на кубок Шпенглера. А там не за горами и отборочные матчи на чемпионат мира в Бразилии по футболу.

Содержание

Глава 1	5
Событие первое	5
Событие второе	8
Событие третье	10
Глава 2	12
Событие четвёртое	12
Событие пятое	15
Глава 3	19
Событие шестое	19
Событие седьмое	21
Событие восьмое	24
Глава 4	27
Событие девятое	27
Событие десятое	30
Событие одиннадцатое	32
Глава 5	35
Событие двенадцатое	35
События тринадцатое	38
Событие четырнадцатое	41
Глава 6	43
Событие пятнадцатое	43
Событие шестнадцатое	46
Событие семнадцатое	48
Глава 7	50
Событие восемнадцатое	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Готлибович Шопперт

Вовка-центровой – 3

Глава 1

Событие первое

Природа дала людям один язык и два уха, чтобы мы больше слушали других, нежели говорили сами.

Эпиктет

– Дядя Паша, посмотри так пойдёт? – Вовка, весь в мыле, отложил дощечку с ручкой, к которой был прибит кусок наждачной бумаги, и окликнул плотника.

Павел Савельич отложил рубанок неохотно, высморкался в клетчатый платок, сунул его в карман и только тогда повернулся к Фомину. Посмотрел, как капельки пота сбегают по Вовкиному лицу, на секунду зависая на кончике носа и, махнув рукой, как бы говоря, нахрена связался с криворуким, подошёл к его верстаку. Но сразу проверять урок не стал, достал кисет с махрой и, распустив тесёмку, вынул сначала из него заготовленные квадратики газетные, потом, взяв верхний, чуть его согнул посередине и, запустив пальцы в кисет, ухватил там щепоть табака, поднёс к носу чуть красноватому и крючковатому и высыпал на листок.

– А ну снимай штаны, – показал половинкой рта дырки, что вместо большей части зубов во рту образовались, и стал сворачивать самокрутку дальше, затем лизнул языком край бумажки и свернул небольшим конусом, потом, чуть согнув её, потянул в рот.

– Штаны? – Фомин осмотрел брюки, что из батиных перешила ему мать, на коленях двойные уже заплатки и сами штаны уже скорее бриджи напоминали, до середины голени едва доставали. Вырос.

– Хочешь штаны сымать, так штаны и сымай, хочешь штаны, так штаны, мне як тому попу, коли тебе все равно, так и делай по-моему, – старик попытался выпустить колечки, но не получилось, закашлял, надрывно, а косячок огромный скрутил. Не бережёт здоровье.

– Дядя Паша, а штаны-то зачем снимать? – Вовка опасно посмотрел на сигарку, ещё начнёт о голую задницу тушить. Якушин, он же Хитрый Михей говорил, что их плотник дядя Паша, контуженный на войне и с придурью. Наверное, на той ещё – Германской войне, для этой староват.

– От людина, всё ему по три разу разжёвывать. Сядешь на доску своим гузном и будешь туда-сюда возить, ежели не нахватаешь заноз, так и сгодится, а ежели нахватаешь, то и пригодится. В следующий раз сам зразумеешь, колы пойдёт.

– А другого способа нет? – нет, этот прибор для определения гладкости поверхности Вовку не впечатлил.

– Так языком попробуй. Слушай, парень, ты же говорил, что для дивчины своей цю хрень задумал, а у ней кожа ще нежней, мобуть её попой проверим?

– Дядя Паша, я же серьёзно! – Вовка начал закипать.

– Всё, всё, а то последние зубы ще выбьешь. – Павел Савельич провёл рукой по доске, и удовлетворённо кивнул. Потом глянул на чертёж, что висел на магнитике над верстаком и стал искать эту доску на нём. Да, нужна была спецификация, не додумал Вовка.

– Щ-4, – подсказал Фомин.

– Ща-4, так вона конгруэнтна Эм-4?

– Конгруэнтна?! – Вовка присвистнул, не ожидал от старичка этого слова.

– Эх, молодёжь. В яком ты классе штаны, ось енти, просиживаешь, гутаришь? – дядя Паша затянулся вонючим самосадам, что присылали ему родственники из Запорожья и выдохнул на верстак деревянную пыль сдувая.

– Восьмой заканчиваю скоро.

– А у меня университет за плечами.

– Ничего себе, а почему вы тогда плотником на стадионе работаете?

– Це долгая история. Тащи Эм-4.

Вовка подошёл к стеллажу, на котором были разложены, заготовки и выбрал нужную доску. Дядя Паша за штангенциркулем не полез просто глянул на доски и замотал головой, не интенсивно, а так лениво, типа, да я и так об этом знал, а ты – дурья башка, сам-то проверить не мог.

– Портач, ты Фомин, кулёма. Смотри. Ось, бачишь, тут скругление десять миллиметров, а то и одиннадцать, а на «Щ» только восемь от силы. На глаз же видно. Ох, намаюсь я с тобой. Ты кажи, что не хочешь и гуляй смело. А ежели хочешь, то и не халтурь. Нельзя хлыздить. Один раз решишь, что и так пойдёт, второй, и все, не мастер ты уже, а портач.

– Дядя Паша, а приборов каких нет, а то всё в ручную? – Вовка вздохнул и стал снова прилаживать доску на верстаке. Ещё три миллиметра скругления выводить.

– Е, как же не быть. Тильки у меня немає. Да и не приборов, якийсь приборов, а инстру́ментов. Штабгалтель называется. Ты же «Каштанку» читал. Или её в девятом классе проходят? Читал? Гарно. Так знаешь, чем плотник от столяра отличается. Всякие штабгобель или штабгалтель, али федергубель, то у столяров. Та ты не журишь. Осталось-то три заготовки и собирать начнём. Трохи осталось.

Фомин вздохнул, взял из нарезанных листов наждачной бумаги тот, что с более крупной крошкой и хотел уже пройти по грани доски, но получил по рукам.

– Опять хлыздишь. О, цей. Да, подольше, а так ризки останутся, начнёшь выводить и получится миллиметров двенадцать, потом снова первую доводить. Эх, Вовка, вот если бы не твоя интересная задумка, то и не связывался бы я с тобой. Нет, не выйдет из тебя столяра. Спешись вечно. Точно «Каштанку» читал?

– Так тренировка скоро. Не успею. – Фомин набросился на Ща-4.

– Сказал же, завтра собирать начнём. Остатние сам выведу. Самому интересно посмотреть, що це воно получится. Ни разу таких кроватей не бачил. Как тебе в голову твою восьми-классную такой фендебобер пришёл.

А как пришёл. Был в очередной раз у Аполлоновых, зашёл в комнату Наташи, а там стоят четыре стула, а на них доски брошены. И вот на этом спит дочь по существу министра. Председателя комитета при Совете Министров СССР. Вспомнил, что, если верить интернету, то Аркадий Николаевич сам купит доски и для дочерей сколотит двухъярусные нары. Решил скреативить. Помнил, как смотрел в интернете, что китайцы с мебелью вытворяют. В смысле, трансформеры всякие выпускают. Вот и решил сделать гибрид книжного шкафа и кровати. Вечером разложил, утром дёрнул за верёвочку и опять шкаф стоит у стенки. А ножками у кровати служат полки, весь минус, что с них вечером, если что поставил, то снимать надо, книги там или слоников фарфоровых.

Нарисовал Вовка эскиз и пошёл к главному плотнику стадиона «Динамо» – Краморенко Павлу Савельевичу. Типа, не сделаешь, дядя Паша, больше не знаю к кому обратиться.

Тот повертел эскизы, хмыкнул, пропел куплет песни: «мы рождены, чтоб сказку сделать былью» и выдал:

– Возьмусь, только при одном условии. Ты мне помогать будешь. Хоккей закончился у вас, футбол ещё не начался. Есть время. У двох-то быстро сробим. Али срочность не нужна?

Вовка представил, как ночью падает со своей шаткой конструкции девочка с зелёными глазами и кивнул.

– Да, хотелось бы побыстрее.

– Отлично. Завтра в восемь жду.

– Так как тебе сия фигурка в голову пришла? – оторвал Фомина от воспоминаний плотник с университетским образованием.

– Да, ничего экстраординарного. Увидел, как полку в вагоне к стене пристёгивают.

– Экстраординарного, да ты парень сам хват.

– С точки зрения банальной эрудиции, не каждый локальный индивидуум компетентен отрицать тенденции ортодоксальных эмоций, – вспомнил Челенков прикол из будущего.

– Ортодоксальных значит? Сейчас обижусь, и сам будешь собирать семейное ложе, – дядя Паша загасил сигаретку, подмигнул и вдруг бросил свой суржик и на чистом русском спросил.

– А ещё так можешь? До шестидесяти лет прожил, а такой заковыки не слышал. Сильно.

– С точки зрения дедукции, индукции и мозговой продукции вы некомпетентны в этом вопросе, поскольку каждый пессимистически настроенный индивидуум катастрофически модифицирует абстракции реального субъективизма.

– Ты это, Фомин, запиши мне эти два экивока. Вверну, где за кружечкой пива. Завтра, шоб бул в восемь. Собирать начнём.

Событие второе

Люди охотно верят тому, чему желают верить.
Гай Юлий Цезарь

Конечно, кровать вещь не просто необходимая, она ещё ведь и символ, что ли. Чего? Уюта? Дostatка? Нет, мелко. Это символ дома. Символ того, что в доме живут люди, которые планируют будущее...

Вот, о планах на будущее. Кровать Вовка непременно хотел Наташе Аполлоновой на Восьмое Марта подарить. Успели они с дядей Пашей. Пришлось половину команды с собой брать, на трудовой подвиг сагитировав. Это сейчас шкафы, да и спинки кроватей из бумаги и картона делают. Этот шкаф – трансформер был сделан из дерева и весил за двести кило. Почти два метра высотой и два с половиной шириной, да и в глубину метр без пяти всего сантиметров. И доски не пятимиллиметровые – всё же кровать. Скачут, бывает, на ней. Наездницы. Хотели собрать, потом разобрать и собирать уже в квартире, но то ли на беду, то ли на счастье, Якушин проследил, где это тренер Молодёжки всё время пропадает в подтрибунных помещениях, и выследил, таки. Застукал с поличным. В тот момент, как уже совсем было решили начать разбирать. Шкаф и сам по себе не простой, конечно, не модерн, да сейчас никто и не поймёт. Как Вовка к минимализму главного плотника «Динамо» не склонялся, тот упёрся. Или красота или пошёл отсюда. Пришлось согласиться на красоту. Узнал Фомин кучу новых терминов. Вот даже не слышал до этого, а если случайно и слышал, то значения некоторых слов просто не знал. Абака, например. Это такая доска, что по верху шкафа идёт и составляет верхнюю часть капители колонны. А акант – или украшения капителей. Или совсем уж изыск – акротерион. Шишка такая по центру шкафа.

Стоят они с дядей Пашей и вздыхают. Естественно, не на гвозди собирали, а на шурупы, но если разобрать, а потом собрать, то конструкция гораздо более шаткая получится. Опять же на шпунты стенки собраны. Ещё раз вздохнули.

– Фомин, это что такое!?! – возник Михаил Иосифович за спиной.

– Шкаф это, тащ майор, – за Фомина ответил плотник.

– Да я вижу, что не скамейка, которую я заказал неделю назад для раздевалки. Или скамейка? – «Динамо» это же милицейская организация, какая там статья об использовании государственного имущества для... Нет, без кодекса не разобраться.

– Ось ваша скамейка. В углу. А цей шкаф Вовка в нерабочее время из купленных им досок делал. – Вовка про доски и не думал, а дядя Паша раз и подсунул Хитрому Михею квитанцию. Вот блин. Всё забывает, в каком времени очутился. Хорошо, что есть такие дяди Паши. Нет, Якушин бы не сдал. Но «Динамо» большое. Слухи бы просочились. А так бамс и есть бумажка. Нужно будет потом отблагодарить плотника с университетским образованием. Не юридическим ли?

– А ну, Фомин, рассказывай. Я же был у вас в комнате в общежитии, там такой монстр просто не влезет. Да и дверь двухметровую нужно, чтобы его затащить. – Якушин подошёл к шкафу, похлопал по боковым стенкам, проверяя на прочность.

– А это что, – ухватился за ременную петлю.

– Дёрни, деточка, за верёвочку – дверь и откроется, – подбодрил главного тренера дядя Паша.

Хитрый Михей, он человек решительный. Дёрнул.

Так спланировано, и собрано, что почти не нужно усилий для превращения книжной полки в кровать. Пришлось слесаря стадионовского подключать и даже с Московского завода

малолитражных автомобилей (МЗМА), товарища одного, для вытачивания четырёх шестерёнок.

– Мать вашу, етить колотить! – Якушин отскочил, когда от лёгкого рывка стенка шкафа начала опускаться и прямо на глазах превратилась в кровать. – Да ты, Фомин, охренел в качель. Это што?

– Михаил Иосифович, вы же знаете, что у генерала Аполлонова всю мебель МВД из квартиры вывез. Там его дочерям даже спать негде. Вот я решил на Восьмое Марта старшей подарить. Всё сделано своими руками. – Теперь уже радостно квитанцию в нос сунул и охренел, краем глаза цифру, заплаченную Краморенко Павлом Савельичем, увидев. И ведь молчал. Чудны дела твои господи.

– Жених, блин. И как вы это собираетесь переть чрез половину Москвы? – Якушин снова потянул за верёвочку, теперь вверх. Хлоп и снова книжный шкаф стоит, – Вещь! Ты Фомин, где идеи-то берёшь, то форма, то шкаф. Стоп. Обещал, что-то про бутсы или путаю? – махом про шкаф забыл.

Дядя Паша не дал.

– Разберётся с бутсами хлопец. Ты, Мишутко, лучше народ бы собрал, помог парню до дома невесты мебель довести и поднять там, в подъезде, до квартиры. На каком этаже зазноба живёт? – уже к красному, как флаг революции, Вовке обернулся.

– На третьем. Не будем тогда разбирать? – Обрадовался Вовка.

– Сколько же он весит? – Якушин попробовал приподнять шкаф за одну сторону, – Основательно, растудыт твою налево. За две сотни, наверное.

Организовал главный тренер и машину и половину команды в качестве грузчиков привлёк.

Мама Тоня разорилась, каждому из великих спортсменов рюмочку поднося. Фомина же усадила на стул в кабинете у генерала и потребовала квитанции. Нет, потом по вихрам прошлась и обнимашки изобразила, но после квитанций.

– Вова, это очень дорого! Откуда у тебя такие деньги?

– Ну, мне же за изобретения выплатили деньги, – нужно будет снять с книжки и отдать дяде Паше.

– Ох, и забыла. Представляю, сейчас Наташа придёт, обрадуется. Прямо царский подарок. Стой, а где ты такую штуку подглядел?

– Так в поезде же полки складываются.

– В поезде? Ой, вон и Наташа пришла!

Событие третье

Солнце светит всем.
Петроний Арбитр Гай

Живи как можешь, раз нельзя как хочется.
Цецилий Стаций

Наташа обрадовалась? Наташа пришла смурная. Наташа села на стул в прихожей и на все вопросы, что случилось от матери и Фомина, только сопли на кулак наматывала. На самом деле – сидела и носом шмыгала.

– Да что случилось, доченька, кто тебя обидел? – мама Тоня, как курица наседка, бегала вокруг обиженки. Нет, не та ассоциация. Наседки они эдакие толстенькие. Антонина Павловна была не тощей, конечно, но не толстой уж всяко разное. Крепенькая такая высокая женщина.

– Секретарь комсомола. Сволочь эдакая, не утвердил меня на праздничный концерт к 9 Мая. – И всхлипывания усилились.

Вовка подвис. Он сам бы и за коврижки не пошёл выступать ни на какой концерт. Одного хватило. Каждый раз вспоминал с содроганием. Так и сказал. Дурак.

– Наташ, ты же сама мандражировала на том концерте. Тряслась. Может и хорошо?

– А-а-а! – И в слёзы уже настоящие.

– Так. Стоп! – мама Тоня взяла операцию в свои руки, – Ну-ка говори толком, какой концерт, почему не утвердили? Наташа! – голову великовозрастной плаксе подняла.

– Хнык, хнык. Девятого мая в школе будет концерт. Я хотела с нашей песней выступить, а секретарь сказал, что это песня не патриотическая. И все патриотические песни уже заняты. Хнык. Хнык. – И горе настоящее в зелёных глазах, и носик милый красный.

– Володя? – мама Тоня повернулась к виновнику слёз дочери.

– Я поэт, зовусь я Светик, от меня вам всем приветик.

– Что? – обе глаза выпучили.

Блин, Носов ещё «Незнайку» не написал, что ли?

– Володя, нужна патриотическая песня про войну!

– Хнык, Хнык.

– Я...

– Володя!

– Хнык, Хнык.

– Я постараюсь.

– Володя!

– Антонина Павловна, хорошо, будет песня про войну. Только...

– Володя!

– Хнык, Хнык.

– Уже ушёл писать. Наташ, ты хоть зайди в свою комнату, я тебе подарок приготовил. Да, я пойду... песню писать.

– Ни куда ты не пойдёшь, я пирог со сливовым вареньем готовлю... Ой, чувствуете?

Горит! – Тугудым, тугудым.

– Пойдём, подарок покажу, – Фомин стал поднимать девочку со стула в прихожей.

– Правда песню напишешь? – и поцеловала солёными от слёз губами.

Эх, так не хотел воровать песни.

– Три...

– Три песни?

- Три поцелуя за песню...
- Тогда шесть.
- Нет. Только три.
- Пойдём, сначала подарок покажешь.

Зашли в комнату. Конструкцию из стульев и досок вынесли в кабинет к генералу, а тут громоздился, сияя белым деревом, шкаф.

- Книжный шкаф? – оторопела.
- Дерни деточка за верёвочку, – Вовка указал на ременную петлю.

Дёрнула. Резко. Кровать мигом разложилась. Еле успел выдернуть экспериментаторшу. И оставил так в руках, к себе прижатой. Смотрел в зелёные глаза и пропадал. Касался солёных от слёз глаз губами и уносился в космос. Зарывался носом в пахнущие весной волосы, чуть духов у матери стащила, и аж голова кружилась.

– Вова, поставь её. – Блин не заметили, как мама Тоня появилась. – Сейчас Аркадий Николаевич звонил. Уже выехал, хочет на это чудо посмотреть.

- Он что, дочери не видел? – решил пошутить Фомин.
- Зазвенели колокольчики. Как здорово быть молодым.

Глава 2

Событие четвёртое

Каждый мужчина состоит из мужа и чина.

Не всякий генерал от природы полный.

Умная женщина подобна Семирамиде.

Козьма Прутков

А что, вполне себе праздник. Сидели на... Как эта конструкция должна называться? Поставлены две табуретки и на них дверь положена, снятая с петель. Это стол. Есть минусов пару. Он низкий. И он не ровный. Дверь, ведь, наборная, в центре и по краям утолщения. А вот сидели. С обеих сторон этого узкого стола стояли по два стула. Больше их просто не было, а едоков пять, включая Фомина. В прихожей пятый был, но весь обшарпанный и кривоногий. Не за праздничный стол же тащить. Потому, с той стороны, где приземлилась молодёжь, на стулья бросили доску, что ещё недавно была частью кровати для Наташи. Не подумали про силу земного притяжения. Девки сели по краям, а в центр на почётное место сунули Вовку. Итог печален. Он чуть не рассчитал высоту этой лавки импровизированной и всеми своими семьдесятю пятью кило с размаху сел на дюймовую дощечку. Хрясь и Вовка лежит на полу, а на нем две визжащие Аполлоновы. Хорошо хоть в правильном порядке, сначала Наташа, а уж вишенкой на торте Ленка. Даже успел чуть прикоснуться к округлостям. Хотелось бы подольше, но зрители... Поднялся. Мама Тоня оглядела испорченную мебель эксклюзивную и серьёзно так, не по-детски, глянула на министра почти. Генерал-полковник прикинулся ветошью и, поправив волосы, прокашлялся.

– В процессе. На складе старье одно. Некогда. Ты...

– Аркадий!

– А вот Фомин! – генерал нашёл выход.

– Чего Володя должен сделать? Стол? – не дала слабину Антонина Павловна.

– Володя? – генерал почти просительно глянул на Фомина.

– Баш на баш. – Борзеть, так борзеть.

– Тебе стол нужен? – не понял Аркадий Николаевич.

– Кубок Шпенглера.

– Ну, ты гусь. Сам понимаешь, что если я даже начну этот вопрос решать, то Сам будет принимать окончательное решение. И все...

– Володя принеси другую доску, а то пельмени остынут, – мама Тоня спор на время прекратила.

Фомин сходил за последней доской и на этот раз в центр посадили мелкую. Ели почти молча. Вовка-то привык. У Павла Александровича не забалуешь, мигом ложкой деревянной в лоб отхватишь. Здесь ложки были мельхиоровые, ещё больше будет, правда, Челенков себе с трудом представлял генерала стучащего тяжелой ложкой по лбу Ленкиному.

Генерал сидел теперь напротив Вовки и из высокой прозрачной бутылки щедро наливал себе водочки. Детям и женщинам не предлагал. Только праздник, и мама Тоня сама подсуети-лась. Где-то добыла бутылку вина. Початую, бумажной пробкой заткнутую. Вовка у Якушина на столе раз видел такое. Портвейн «Агдам» азербайджанский. Пивная коричневая бутылка. Написано, что «Портвейн белый» и 19 оборотов при 8 сахара. Серьёзная вещь. Открыли и стали разливать, даже Вовке и Наташе мама Тоня плеснула по десять граммов в гранёные стаканы. Себе половину набулькала под снисходительную усмешку генерала.

У Аркадия Николаевича «Водка Московская особая». Вовку ещё ругающийся, как три сапожника сразу, отец насчёт качества водки просветил. Основная масса людей пила совсем другую водку. Наиболее популярной и дешёвой водкой сейчас была, так называемая, водка «Сучок». В её основе лежал гидролизный спирт, получаемый из «чёрной патоки» – фактически из древесины, осахаренной при помощи гидролиза. Древесное происхождение используемого для изготовления водки спирта и легло в народное название этого крепкого алкогольного напитка. «Сучок» имел неприятный химический запах, а его употребление провоцировало ярко выраженный перегар. Ну, нанюхался его Фомин в раздевалке «Динамо», а до этого в токарке на заводе в Куйбышеве. Официальное название было «Водка обыкновенная», разливалась она в тару 0,5 литра, пробка была картонная, залитая красным сургучом. Цена водки в СССР в этом пространственно-временном континууме составляла 21 рубль 20 копеек.

У Председателя Спорткомитета на столе стояла совсем другая продукция завода «Главликёрводка» – «Московская особая», которую в простонародье называли «белая головка». Это была пол-литровая бутылка, картонная пробка которой заливалась сургучом белого цвета. И бутылка была в экспортном исполнении – прозрачная. Стоимость её составляла в коммерческих магазинах 60 рублей 65 копеек.

Уверенный, что первую антиалкогольную компанию замутил Горбачёв, Челенков столкнулся с тем, что она в это время вовсю ведётся. Везде, где можно и нельзя, висели плакаты с надписями: «Папа приходи домой трезвый!», «Папа не пей!», «Не спирт, а хлеб!». В кабинете Чернышёва были все три. И под ними стояла пустая бутылка из-под пива.

– Вова тебе может в честь праздника побольше? – мама Тоня неуверенно зависла с портвейном над стаканом Фомина.

– Что вы, Антонина Павловна, мне теперь ещё песню писать, – в общем и целом и не хотелось, да и цвет озадачил.

Написано на бутылке «портвейн белый», а он коричневого цвета. Не красный, а именно коричневый. Печень одна. Да и на тренировку завтра с самого утра. А вот на пельмени пора набрасываться, а то не достанется. Чокнулись со звоном стаканов. В серванте раньше рюмки стояли у Аполлоновых, но сервант и комод МВД у бывшего заместителя министра изъял вместе с кроватями и столом. Только и остались те самые этажерки и книжные полки, что генерал на зоне в Красногорске заказал. Теперь рюмки где-то в углу в корзинах вместе с остальным скарбом. А стаканы вещь повседневная – оставили.

Пельмени с рубленным мясом, а не молотым. Как-то на базаре Фомин видел специального армянина, что стоял в углу с мясорубкой и прокручивал фарш. К нему очередь из всяких мамаш и домработниц. Купили тут же мяса, и чтобы деткам котлетки намотить, подходят к специально обученному «мясорубу» и подают ему кусочки. После каждого клиента товарищ в белом колпаке и цветастом фартуке прокручивал картофелину. Сервис, мать его.

У Аполлоновых на кухне имелась специальная сечка и корытце деревянное. Надо полагать, мама Тоня с самого утра секла тут начинку для пельменей. Аркадий Николаевич на работе. Спортком рулит, дочери в школе, а домработницу не завели. Как-то спросил об этом Наташу, а она так сморщилась и говорит, что, мол, они с мамой и так справляются, а то и так тесно, а тут ещё чужой человек будет вечно мешаться. Понятно, со слов мамы Тони говорила, но Вовка порадовался, в правильном ключе девочку воспитывают.

Пельмени были вкусными, только слепили и сразу в кастрюлю, а потом маслицем облила мама Тоня и поставила остывать, а когда народ пришёл, то на большой чугунной сковородке поджарила опять на сливочном масле. Корочка светло-коричневая замечательная получилась и всю эту роскошь в блюдечко с саморазведённой горчицей ядрёной тыкать. Мечта. Самое интересное, что Агдам неожиданно оказался очень ароматным, то ли из изюма какого делают, то ли ароматизаторы добавляют. Но вкусно. Вовка даже позволил себе кивнуть головой, когда Антонина Павловна себе вторую налила и над его стаканом вопросительно горлышком поводила.

А Аполлонов старший, после половины бутылки «Особой», наоборот, решительно встал и убрал её со стола на подоконник.

– Смотри Володя, из-за тебя, – прокомментировал, усаживаясь вновь.

– Чего это? – с набитым ртом поинтересовался самой молодой чемпион СССР по канадскому хоккею.

– Про Шпенглера сейчас мне рассказывать будешь. Я Савина пытал. Послушаю и другую сторону, – и взгляд на подоконник осуждающий бросил. Выдохнется.

Событие пятое

Денежные массы до народных почему-то не доходят.
Сергей Иванюк

Деньги – очень полезная штука. Они позволяют не делать того, чего ты не любишь делать, а я не люблю делать почти ничего.
Граучо Маркс

А что Вовка Фомин мог знать о кубке Шпенглера? Не Фёдор Челенков. Ну, разве название. Откуда? Тут про газеты и старые книжки без обложки не соврёшь. Была статья в «Советском Спорте», пару недель назад, что чехи, которые приехали в Москву – обладатели кубка Шпенглера. Всё. Ну, мог он говорить с кем из чехов? Да, нет, все они были на виду, был потом совместный банкет, не фуршет, как порядочные люди за столами сидели, только на нём было чекистов больше, чем хоккеистов, разве рукопожатиями мог обменяться с учителями, а вот информацией о кубке этого самого Шпенглера, тут из области фантастики.

Аркадий Николаевич, хоть и приговорил половинку белогловки, вполне себе чётко артикулировал слова, и вопросы грамотные задавал, начал с такого.

– В 1949 году – в чехословацком городке Шпиндлерув-Млыне будут проходить VIII Международные зимние студенческие игры, как думаешь – выиграем? – Аполлонов потянулся за папиросой в коробочке зелёной Герцеговина Флор, но, уже взяв, положил на место, подёргал щекой, – Ладно потерплю, знаю, не любишь. А батя у тебе дымил?

Вовка в бардаке кабинета, который сейчас с изъятием мебели у генерала напоминал о Мамаевом побоище, устроился в уголке на стопке книг и чувствовал себя зажатым. Генерал не дурак, а он уже десяток раз прокалывался – демонстрируя умения и знания, коих иметь шестнадцатилетнему пацану не полагалось.

– Курил, но мать его в коридор отправляла или тоже в форточку дымить. У вас ведь дочь маленькая, можете спровоцировать бронхит или астму курением при ней. – Вовка посмотрел на скривившегося собеседника и решил тему срочно сменить, – У нас только одни соперники, всё тот же чешский ЛТЦ (Прага). Остальные, раз их чехи обыгрывают с двухзначным счётом нам не соперники.

– Это мне и Савин Сергей Александрович – начальник отдела футбола и хоккея спорткомитета сказал. Я тебя, как игрока, спрашиваю, ты же играл с чехами. Выиграем? Ты, пойми Володя, что даже второе место – это будет Самим расценено как поражение. То же самое и твой Кубок Шпенглера в Давосе швейцарском. Там опять будут чехи. Может, рано? Потренируемся ещё. Два чемпионата ещё только провели, куда спешить?

– Аркадий Николаевич, мне шестнадцать лет. У меня юношеский максимализм в заднице играет. Мне хочется с ЛТЦ этим силами померяться. Клубом, любим, нам у них не выиграть. А вот сборной вполне. Конечно, можно финт ушами сделать, призвать всех в армию на две недели, ну или на месяц и объявить всё это командой ЦДКА или, чтобы Василию Сталину потрафить – «ВВС МВО». Правда, боюсь, он назад может и не отдать людей. Если будет в команде первое звено ЦДКА, первое звено «Спартака» и наше первое звено, только вместо Чернышёва я, то мы с чехами справимся. Плюс приедем уже в настоящей форме. Это серьёзный козырь. Ну и тут ещё сыгранность звеньев имеет значение. Нужно тогда не тройки, а пятёрки из этих трёх команд брать. Как раз регламентом семнадцать человек разрешено. Плюсом два вратаря. Третьяков и Харий Меллупс из Динамо (Риги). Чернышёв тренером и тренер должен быть только один. Человек должен понимать, что только он один за всё отвечает и только с него спросят.

Генерал, слушая Вовку, забыл об обещании не курить, и задымил, опомнился и через корзины и стопки книг пошёл к форточке. Там прямо кричали в неё обнаглевшие воробыи.

Когда открыл её Аполлонов, то ворвались прямо эти звуки в кабинет и, отразившись от стен и потолка, напомнили людям глупым, что всё, кончилась зима, и пора о лете думать.

– Супер команда. Всё, как Васька хочет. На Рождество католическое говоришь? Ладно, дожить надо. Слушай Володя, а на самом деле сделай стол, богом прошу. На складе рухлядь одна, даже стыдно в дом везти, а новые только к концу месяца обещают. Надоело как на фронте жить. С дверью этой.

– А что, в магазине нет мебели? Я в коммерческий заходил, там стулья очень красивые видел. Резные.

– Прав Якушин, ты словно в каком-то другом мире живёшь, как в Америке. Я один работаю, две с небольшим тысячи получаю. Четверых человек кормить одевать надо. Еле-еле концы с концами сводим. А там один стул полтысячи стоит. Так сделаешь стол?

– Конечно, Аркадий Николаевич. Лакировать нужно? – для приёма редких гостей у Членкова был стол в угол задвинут, у которого две половинки, как крылья поднимались. Прикрутил к ним ножки и готов стол, а не нежен такой большой, сложил опять крылья. Одна минута. Такой и сделает Аполлонову, если дядя Паша поможет.

– Лакировать? Если ровно получится.

Стоять. Бояться.

– Аркадий Николаевич, а что если мне открыть артель по производству эксклюзивной мебели? Вот такой, как кровать Наташе и стол я вам хочу особый сделать, – Вовка сначала произнёс, а потом понял, кому говорит. Хотя...

– Артель. Там же сам должен будишь работать. Слов нет, вещь получилась уникальная. Уверен, раскупят в один миг. Даже ни в какие магазины возить не надо. Прямо от верстака заберут. Да ещё и драку устроят. А с хоккеем и футболом что? Забросишь? – Аполлонов загасил папиросу в пепельнице хрустальной и прикрыл форточку, объявляя воробыиный концерт оконченным.

– Нет, конечно. Но ведь можно технологом там работать или дизайнером.

– Володя, ты не шпион? И не смотришься на шестнадцать лет. Вон выше меня. Что такое дизайнер? Слово не наше совсем. – Аркадий Николаевич прислушался, за стеной чего-то девочки кричали.

– Ещё вот песню писать, – услышав слово «война» вспомнил Вовка.

– Что за дизайнер?

– Художник. Проектировщик. Конструктор.

– Ясно. И ты хочешь, чтобы я тебе помог? Нет, даже если краем коснусь, и потом вскроется, то голова слетит вместе с фуражкой. Хотя. Дам я тебе одну фамилию и адресок. Инвалид один живёт. Он в МВД завхозом был одно время. Потом в командировку в Берлин отправили, а он на mine подорвался. Без ноги остался. Тот ещё жук был, всё, что хочешь, из-под земли достанет. Не знаю, там ли ещё живёт, но адрес завтра узнаю. Старый. Захочешь, найдёшь. Так ты не ответил Володя, что с футболом?

– С футболом всё плохо, Аркадий Николаевич. Меня Якушин в команду основную не возьмёт, а если возьмёт, то будет под свою манеру игры ломать. Я так не хочу.

– Смешной ты. В сорок пятом чемпион страны в сорок шестом и сорок седьмом серебро. Чем тебе плохо? Куда дальше-то, чемпионом мира стать?

– Точно. Чемпионом мира. Нам нужно ехать в 1950 году на чемпионат мира в Бразилию, в Рио-де-Жанейро, И я хочу стать чемпионом мира. И это зависит только от вас. Нужно срочно заявить нашу сборную в отборочные игры. Пока не поздно. Нужно создавать сборную и для этого нужно играть товарищеские международные матчи. Может даже снова сборной в Англию ехать. На этот раз собирать деньги на восстановления Петергофа разрушенного немцами. Или

даже снова на восстановление Сталинграда. Фотографии Черчиллю показать. Да они и сами захотят реванш взять.

– А ты знаешь Фомин, сколько стоит перелёт в Бразилию? Сколько будет стоить подготовка команды. Думаешь, государству денег больше не на что тратить? – Конечно, Фомин знал, что СССР предложат принять участие в чемпионате мира в 1950 году. И СССР откажется, из – за финансовых проблем, как и все до единой социалистические страны. Разве что Югославия полетит и даже пройдёт довольно легко отборочную сетку. Вообще об этом чемпионате можно целую книгу написать, там столько интриг и отказов даже уже в финале. Один только отказ Индии от участия в финальной стадии чего стоят. Индийцы не поедут из-за того, что перед самым чемпионатом ФИФА примет правила запрещающие играть в футбол босиком. А индийцы именно так и играли.

Вообще, в результате всех отказов и споров чемпионат получился очень слабым и занять на нём призовое место вполне по силам тем игрокам, которые сейчас играют в чемпионате СССР. Ещё бы им чуть больше практики. И эти две вещи можно совместить. Заработать денег и набраться опыта международных встреч. Для этого нужно выступить в нескольких коммерческих матчах или турнирах, таких как вояж команды лейтенантов в Англию. Есть Испания не пострадавшая от войны, есть Италия с их фанатами, есть Франция. Да та же богатенькая Швейцария.

Вовка, как мог, рассказал этот план Аполлонову.

– Да, Фомин, ты прямо Остап Бендер. Так и фонтанируешь идеями. Взять тебя на работу в Спорткомитет в отдел по, как ты выражаешься, коммерческим турнирам. Деньги будешь для государства зарабатывать. Нет. Подрасти. Успеешь. Я с грамотными людьми твои фонтаны и загибы пообсуждаю. Тебя, понятно, называть не буду. С тебя формы хватит и так всё ещё некоторые товарищи в комитете вопросы задают, откуда мальчик в шестнадцать лет таких вещей напридумывал. Тут только молнией, что тебе в башку попала, и можно отбрехаться.

– Точно во всём молния виновата.

– Ладно, Володя, вон девки драку опять начали. Иди, успокой их. И пиши свою песню про войну. Не подведи Наташу. Она в тебя верит, чуть не молится на тебя. Карточку ей подари.

– А вы не верите?

– Верю, Иначе бы и не сидел тут с тобой. Да, про стол не забудь.

Глава 3

Событие шестое

*В музыке есть нечто волшебное, он заставляет нас верить, что
возвышенное принадлежит нам.*

Иоганн Вольфганг Гёте

Песни про войну? Первой, что пришла в голову, когда Вовка взял гитару, была «Комбат – батяня». Попробовал взять аккорды и сразу забросил. Он кроме припева ничего и не знал, да и песня была мужская совсем. Нужно, что-то под звонкий женский голос. А ещё не про саму войну, а мальчишек на неё ушедших и не вернувшихся. «Журавли»? Самая великая песня о войне. Нет. И голос нужен очень специальный, и вот её воровать совсем совестно. Там, правда, была уж совсем неподражаемая вещь. Как-то слышал на концерте Фёдор Челенков «Журавлей» в исполнении группы «Високосный год». С ног свалит. Нет, всё же Расула Гамзатова обворовать не мог себя заставить. «День Победы», «Десятый наш десантный батальон»? Блин, нет, не прозвучит это в исполнении семнадцатилетней девочки с непоставленным даже голосом. Можно загубить шедевр. Оставить народ без великих песен.

А что есть, женскими голосами исполненные? «Если б не было войны». Нет. Не вытянет. Нужна более современная. Ага, современная для Челенкова. Кто там пел позднее? Побренчал Фомин на гитаре под пристальным взглядом Наташи и понял, что вот в таком антураже ничего толкового в голову не придёт.

– Пойду я в общежитие. Не получается тут. Ты меня отвлекаешь.

– Да, сижу, молчу! – надула губки. Красивые. Мягкие.

– Именно этим и отвлекаешь. Обещаю, что за три – четыре дня напишу. Нужно в тишине одному посидеть.

– Ладно, но я с тебя не слезу, – двусмысленно прозвучало. Дала лёгкую затрещину и выпроводила из комнаты.

Ехал на трамвае и всё вспоминал. Как нарочно, всё лезли в голову уже написанные песни, типа той же «Смуглянки», либо совсем для девичьего голоса не подходящие, а уж тем более для сопровождения саксофоном. Как будет звучать «Баллада о матери» под саксофон? Вот то же...

Третьяков сидел голодный. Чай с сухарями поглощал. Вовке даже неудобно стало, он под завязку заправился пельменями и пирогом со сливовым вареньем, а друг сухари с несладким чаем истребляет. Третьяков его иногда чуть бесить начинал. Совершенно неприспособленный к жизни человек. Наверное, и картошку себе поджарить не сможет. Сухари, между прочим, не потому что хлеба девать некуда, а потому, что их Вовка специально приготовил. Порезал хлеб чёрный на тонкие ломтики, пожарил в подсолнечном масле и натёр чесноком, когда затвердели. Получилась отличная замена чипсам, ещё пока в каждом магазине не продающимся. Да и в не каждом тоже.

– Ты чего, Вован, не приготовишь себе? Понятно всё, – оглядел растерянную физиономию двухметрового ребёнка, – Давай борщ сварим постный. Картошка с моркошкой есть, свекла тоже. Иди на кухню чисти, а я пока примус разожгу. Слушай, Вован, а давай скинемся и купим электроплитку. Надоела керосин нюхать.

– Дорого и спираль всё время перегорает, – есть сермяжная правда, вон даже у генерала вечно на керосинке еду мама Тоня готовит. Спираль всё время перегоревшая.

– Ничего не бедствуем же, купим в запас пару спиралей.

– Давай. – Третьяков, как всегда, на всё согласен.

– Что у вас с тренировками, – поинтересовался, вытаскивая из сундучка пару картофелин и морковок.

– Как обычно. Побегали, потом играли, – не сильно обогатил знаниями.

– Иди, чисти.

Фомин разжёл, подкачав, примус и поставил на него кастрюльку с водой. Есть не хотелось, но длинного Вовку нужно кормить. Так получилось, что виделись теперь только вечерами. Тренировки в разное время. Третьякова Якушин взял вторым вратарём. В помощники к Алексею Хомичу. А Николая Медведева, которого планировали вторым вратарём, вернули в дубль.

Кроме Медведева Хитрый Михай спустил в дубль ещё троих из основного состава вратаря абхаза Вальтера Санаю, защитника Васю Комарова и нападающего Николая Поставнина.

Теперь основа тренировалась в одно время, вместе с дублем, а двадцать человек, в том числе и Яшина, полностью отдали Фомину. Интересно, что хоккеисты, тоже теперь сами по себе, там у них Чернышёв есть. Состав совсем куцым оказался. Часть канадцев, с появлением травмы, опять стала футболистами. Всеволод Блинков, Сергей Соловьёв и Василий Трофимов стали играть за основной состав «Динамо», а Вася Комарова и Николай Поставнин за дубль.

Вовку Фомина Якушин принципиально не замечал. Лишь время от времени напоминая, что тот хотел новые бутсы изобрести. А сам Фомин сильно и не рвался. Рана на голове ещё до конца не зажила, а что за футболист, если он головой не может играть, тем более – нападающий. Тренирует себе молодёжку и ладно. Была мысль расплеваться с Динамо и уехать к себе в Куйбышев, но... Да, целая куча «но» этих. Вместе со стипендией от общества и зарплатой тренера «молодёжки» у него выходило за шестьсот рублей. Столько у него и отец не зарабатывал, да ещё талоны на питание. А что там в Куйбышеве. Пусть даже его возьмут за дубль «Крыльев Советов» играть. Будет числиться токарем, с тем же ученическим разрядом и получать около трёхсот рублей. И уж точно играя за «Крылья» в провинции не протолкнуть идею участия в чемпионате мира 1950 года. Для этого нужно быть под боком у Аполлонова. Там он сейчас и находится. Через «постель» пробился. Шутка. Даже с языком ещё не целовался с Наташей. Боялся напугать девушку.

Как попасть в основу «Динамо»? Был план. И Вовка его уже второй месяц претворял в жизнь. Тренируя юношей? Молодёжь? Именно. На апрель месяц, как сказал Якушин, «Динамо» отправится в Гагры на серию товарищеских игр. Вернётся в конце апреля, а уже второго мая первая игра дома с «Динамо» из Сталинабада, ну, в Душанбе потом переименуют. Вот, в этот промежуток Фомин и хотел предложить Хитрому Михею пару игр его пацанов с дублей и основой. Есть ли шанс? Есть. У него целых три туза. Он сам. Лев Яшин. И выносливость. Ну, а если с бутсами получится, то и четыре.

Событие седьмое

Жуликов надо ловить, а не деньги перепрыгивать...
Евгений Максимович Примаков

*Всякий, кто украдёт из казны настолько, сколько стоит верёвка,
на той же верёвке повешен будет.*

Пётр I

– Вова, там тёзка предложил скооперироваться опять, даёт сто пятьдесят грамм сала, – заплыла в дверь сияющая физиономия Третьякова.

– Третьяков? – уточнил Фомин, – он же уезжал на праздники?

– Уезжал, но обещал вернуться.

Стоп. Вот же песня. Самое оно. Придётся обокрасть Окуджаву. «До свидания, мальчики! Мальчики. Постарайтесь вернуться назад». Фёдор Челенков слышал как-то на концерте в исполнении Анжелики Варум. И голос у неё похож на голос Наташи Аполлоновой. Замечательно получится. А Булат Шалвович? Ну, что теперь, другую сочинит. Ещё лучше. Бывший миномётчик Булат Шалвович Окуджава как-то писал, что очень долго не мог эту песню о сверстниках написать. Память войны не отпускала. Значит, в 1948 году её ещё точно нет.

Стал аккорды после еды подбирать Вовка и понял, что песня не та. Нет, её тоже можно спеть Наташе на концерте, но тут саксофон не лезет ни в одну ноту, от слова совсем. Чистая гитара. Нужна вот такая же песня о пацанах и о войне. Нужна. Нужна. Нужна. Блин, ведь сотни песен слышал.

«Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
Стали тихими наши дворы,
Наши мальчики головы подняли —
Повзрослели они до поры»...

Вовка перебирал струны на гитаре. Хоть самому садись и пиши. Нет. Не может, тут нужен настоящий поэт. Гений. Фомин вспомнил клип на песню, там Варум пела за кадром, а на экране шёл видеоряд из военных фотографий.

«До свидания, мальчики!
Мальчики,
Постарайтесь вернуться назад».

Стоп, стоп, стоп. Эврика! Фотография! Что-то копошилось в мозгах. Нет, не вспоминается.

«Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
вместо свадеб – разлуки и дым,
Наши девочки платица белые
Раздарили сестрёнкам своим».

Девушка пела. Что-то про фотографии.

Руки сами взяли другие аккорды. Точно. Вот именно эту песню и надо петь Наташе на концерте и вместо одного из куплетов проигрыш на саксофоне. Вернее, между куплетами. Теперь только бы слова вспомнить.

«Молодые ребята, с фотографии смотрят.
Их глаза дружбу свято, как и прежде хранят.
Каждый мог быть счастливым, каждый мог быть любимым,
Но остался мальчишкой молодым навсегда.

Это просто война, это просто разлука,
Это просто беда да, да, что на землю пришла,
Это просто судьба, злая доля и мука,
Это просто война, что мальчишку нашла,
Это просто война...»

Нет, слово «свято» нельзя. Зарубят. Пусть будет «честно».
Вовка стал мурлыкать песню, подбирая следующий куплет.
Потом следующий:

«Молодые ребята, с фотографии смотрят,
А мальчишки живые строем новым стоят,
Не забудем любимых, не забудем их лица,
Не забудем их взгляды, будем помнить солдат».

Ну и последний припев, нужно металлу в голос добавить. Лежал на нарах закрыв глаза, вспоминал песню.

«Это просто война, это просто разлука,
Это просто беда да, да, что на землю пришла,
Это просто судьба, злая доля и мука,
Это просто война, что мальчишку нашла,
Это просто война...»

Фомин допел и приподнялся на нарах, чтобы записать песню... И остолбенел. Вся милицмейская общага засунула головы в их дверь и вытирала слёзы на глазах. Два десятка человек, как минимум. Даже не хлопали. Стояли и плакали, утираясь рукавом.

Первым очнулся старший Третьяков.

– Ты, Фомин, откуда эту песню взял? – продолжает слёзы утирать. Вовка на автомате хотел сказать, что во дворе слышал, но в последний момент передумал. Песня очень не простая. Обязательно попадёт в репертуар известных певиц и на пластинки. А раз так, то будут искать автора. Поедут к ним в посёлок, а там никто ничего подобного не слышал, зато вспомнят историю с Есениным. Что делать-то?

– Неужели сам сочинил такую хорошую песню? – кто-то из дальних рядов.

Вовка уже совсем было хотел про лёгчика сказать, с которым в больнице лежал, когда его молнией по кумполу шарахнуло, но его опередил Третьяков длинный.

– Конечно, сам, он нам ещё в Куйбышеве свои песни пел, одна лучше другой.

– Фомин, уважь общество, спой эту песню ещё раз, – опять из-за спин тот же голос.

Пришлось. Все милиционеры хором упросили. Почти все воевали. Про них песня.

«Молодые ребята, с фотографии смотрят.
Их глаза дружбу честно, как и прежде хранят».

Событие восьмое

Настоящий футбол можно увидеть во дворах, когда мальчишки в рваных кедах, до потери сознания сражаются за каждый мяч. Все остальное – шоу, снятое для красоты.

Тренировки теперь у Молодёжки «Динамо» было две. Вовка решил их насмерть загонять. Ну, это так Чернышёв с Якушиным решили. На самом деле Фёдор Челенков помнил, что Лобан, он же, Балерина, он же Валерий Лобановский, своё киевское «Динамо» и по восемь часов в день тренировал, а Челенков обычно по шесть. Но сейчас, в 1948 году, проблема с питанием, и восьмичасовую, как и шестичасовую тренировку в день люди просто не выдержат. Они сгорят. Неоткуда столько калорий взять. Еда очень дорогая. Для шестичасовой тренировки нужно как минимум два раза в день есть макароны по-флотски или плов с большим количеством мяса. Нужно много углеводов медленных и белков. Потому, всего две тренировки по два часа и при этом вторая тренировка скорее на растяжку, чтобы калории эти самые по минимуму сжигать. Зато первая тренировка была на выносливость. Бегали с привязанными к телу, то спереди, то сзади блинами от штанги, кому и двадцатикилограммовый доставался, как и самому Фомину, а доходягам малорослым хватало и десятикилограммового. Ходили целыми кругами по стадиону гусиным шагом. Ускорялись. Старались мгновенно остановиться, бегали, резко меняя направления. Бегали с партнёром на плечах. В мяч почти не играли. Да, даже, можно сказать, вообще не играли. Просто негде. Поле берегли, если на него сейчас выйти, хоть снег и растаял уже, это просто смерть будет для газона, вырвут всю траву и перемесят с грязью.

На второй тренировке висели на турниках, делали упражнение «пистолет», просто тянулись, пытаясь сесть на шпагат и в заключении, прежде чем идти в душевую, приходил, по договору с Вовкой, тренер гимнастов динамовских и учил футболистов кульбитам. И вперёд и назад. Была у Фомина мысль научить хоть парочку будущих нападающих в кувырке через голову забивать мяч в ворота. Приём уже известный. Только вот исполнить его во всём мировом футболе могут единицы.

Девятого марта Вовка пошёл искать в подтрибунных помещениях плотника дядю Пашу и нашёл целую похмеляющуюся компанию. Лезть с просьбой, бросить все дела, и начать делать снова мебель для семьи Аполлоновых, было временем явно неподходящим. Во-первых, свидетели, нежелательные, а во-вторых, градус в компании уже великоват, уже пошли вопросы про уважение. Вот где люди деньги на водку берут? Как там, у Владимира Семёновича Высоцкого: «У них деньги куры не клюют, а нам, блин, на водку не хватает». Пришлось менять планы. Поехал искать очередной кирпичик в той пирамиде, что должна вывести сборную СССР по футболу на вершину этой самой футбольной пирамиды. Привести к званию «Кампионе» – чемпион. Отнять у бедняг уругвайцев.

Кирпичик имел имя отчество и фамилию. Более того, он имел мастерскую. Работал в мастерской. Фёдор Челенков про этого человека только легенды слышал, поздно родился, не застал. А вот сейчас этот человек жив-здоров и снабжает своими бутсами почти всех известных футболистов в СССР. И ещё долгонько будет снабжать.

До революции в мире спортивной обуви остаётся ещё шесть лет, и пока в СССР самым знаменитым «бутсоделом» был Александр Иванович Мокшанов. В руках у Фомина был журнал «Смена» за прошлый год и там как раз про Мокшанова статья напечатана: «Полки в шкафу уставлены колодками известных футболистов. Бывает, что левая нога у спортсмена короче, уже правой или наоборот. Для каждой ноги мастера изготавливается своя колодка, и Мокшанов часами „колдует“ над ней: то подобьёт кусочек кожи на подъёме, то подточит пятку. Нападающие любят низкий, отлогий носок, защитники – носок повыше. Задники у бутс должны

быть жёсткими, чтобы они не гнулись, даже если на них встать ногой. В носок подкладывается „бомба“ – подкладка из подошвенной кожи. Чтобы носок не боялся сырости и не размягчался, эту подкладку, жёсткую, как жёсть, обжигают спиртовым лаком. Кожа слегка поджаривается и становится водонепроницаемой».

А что же с революцией? В 1954 году сборная ФРГ поедет на чемпионат мира в бутсах от Ади Дасслера. Того самого. Основателя «Adidas». Он облегчит бутсы, сделает их ниже и тоньше, но это не главное. Сборная ФРГ выиграет у непобедимых венгров, потому, что финальный матч будет проходить в дождь. И тогда и скажется новое изобретение товарища Дасслера. Немцы выкрутят короткие шипы и вкрутят длинные и на раскисшем поле за счёт лучшего сцепления переиграют скользящих в грязи венгров. Ещё, кроме съёмных шипов Ади изменит их форму шипов, сейчас они просто круглые. А он их сделает прямоугольными.

Кто мешает украсть у немца-перца-колбасы эти изобретения и поделиться ими с нашим не менее изобретательным Александром Мокшановым. Да, он не создаст фирму «adidas», так просто страна не та. В Германии бы вполне по силам было. Адрес Якушин Фомину сказал, далеко, почти на другой конец столиц добираться. Больше часа ушло на дорогу с тремя пересадками, потом и пешочком ещё гулять до заветного подвала.

Увиденное ужаснуло. Тесно, грязно, убого, темно. И воняет противно клеем. Прямо настолько густой запах, что себя обмазанным этим клеем чувствуешь.

– Мне бы товарища Мокшанова, – обратился к косматой почти полностью седой женщине – приёмщице заказов.

– Ходят тут всякие. Я заказы принимаю. Чего мастера отвлекать?! – И не обойдёшь.

– Мне нужно переговорить. Я от тренера Якушина Михаила Иосифовича, – попытался Вовка.

– Та, хоть от самого Иосифа, ой! – Прикрыла рот рукой грязной, в чернилах вся.

– Вот, вот. Позовите, пожалуйста.

– Ваныч, выйди на минуту, к тебе хутболист. Малолетний.

Ваныч был не так и стар, лет пятьдесят. В клее руки, молоток в руку обувной специальный. Не отложил, может, он приклеился к руке.

– Хочу бутсы себе необычные заказать. – Обрадовал легенду Фёдор Челенков.

– А хотелка выросла уже? – гыгыкнул и мотнул головой, за собой приглашая.

Вот там-то в самой полуподвальной мастерской Вовка и столкнулся с этим убожеством. Да, не «Адидаас». Мать его. Ну, мы ведь их победили, почему так? И у них половина страны в руинах. План Маршала? Ладно, надо будет поговорить с Аполлоновым и его фирмами, что производством спортивного инвентаря заведуют. Как только этих еврейских личностей заинтересовать? Патентами на съёмные шипы? А что мысль.

Фомин объяснил мастеру, чего он от него хочет и потом ещё раз, зачем это нужно.

– Дождь, говоришь. Смешной ты парень, Володя, думаешь первый. И поди-ко самым умным себя считаешь? – Мокшанов был на две головы ниже, но посмотрел свысока.

– А, нет? Я таких бутс не видел. – Удивился Вовка.

– Ну, я некоторым шесть шипов креплю. Для грязи. А вот по форме? По форме... Прямоугольные, ну, так-то оно конечно. Хорошо, паря. Только сами шипы и винты эти с тебя. Когда сможешь принести? – махнул рукой с молотком, чуть Фомину не по коленке.

– Послезавтра. Ещё вот...

– Принесёшь, поговорим об остальном. Всё парень, работу надо работать. Неси. Как придёшь, решим. – Не попрощавшись, ушёл за натянутую поперёк прохода брезентуху, оставив Вовку одного среди полок с колодками.

А что, не ожидал даже Вовка, что так легко получится. Теперь бы ещё знакомого фрезеровщика найти. Да, придётся искать Гершеля Соломоновича. У него производство в руках. Разберётся с двенадцатью шипами. Ну и чуть денег за патент тоже не повредит.

Добрый день, уважаемые читатели. Начал новую книгу. Раз фанфик, то выставлена бесплатно. Кому нравится, жмите на сердечки – это увеличивает рейтинг автора. Присылайте награды – это увеличивает и рейтинг и благосостояние автора, кроме того стимулирует к дальнейшему творчеству.

Если вам так нравятся книги про футбол, то хочу обратить внимание, что мой цикл «Мяч круглый» тоже про футбол, и там есть те же персонажи, хоть действие и происходит через двадцать лет. Может в «Мяче» и чуть затянуто начало, но перечитал его на днях, готовясь к написанию 3 Вовки, и он мне понравился больше.

Так что, прошу «любить и жаловать».

Ещё для новых подписчиков, советую обратить внимание на мой новый цикл «Охота на Тигра». Очень интересное время выбрано.

С уважением.

Андрей Шопперт.

Глава 4

Событие девятое

В жизни – как в шахматах: когда партия заканчивается, все фигуры – пешки, ферзи и короли – оказываются в одном ящике.

Ирвин Ялом

Всегда лучше жертвовать фигурами своего противника.

Тартаковер

Обидно немного. Всё почти «Динамо» улетело в Гагры. Тепло там. Лазурное море ласковыми голубыми волнами омывает поросшие лесом горы, что не оставили людям и сотни метров для строительства их уродливых сооружений, разрушающих эту красоту. Вот разве замок принца Ольденбургского Александра Петровича органично вписывается. Так его ещё до революции строили, жили тогда архитекторы. Челенков десятки раз был в Гаграх, вот так с командой весной. Селились в полукруглой гостинице «Скала». Играли на уютном стадионе, о котором ещё не ходили слухи, что абхазы там играли в футбол головами убитых грузин. Пока все себе мирно сосуществуют. Как до такого довели? Кто виноват? Можно ли исправить? Как исправить? Найти сейчас мальчика Горбачёва и стукнуть камнем по меченой головке. Хрущёва подкараулить? Ельцина? Разве может один человек с пути свернуть двухсотмиллионную страну? Где-то глубже всё зарыто.

Тряхнул головой Вовка, мысли бесполезные из неё вытряхивая. Приехал трамвай. Выходить надо. Уже две недели они тайком с Наташей репетируют песню, пока никого нет дома, буквально час у них есть, пока за Ленкой, что учится во вторую смену, мама Тоня ходит, из школы забирая. Иногда чуть больше получается, заходят те по дороге в магазин за продуктами. Очереди. Карточки отменили, а очереди отменить забыли. Магазинов мало, а в них мало продуктов. Как-то, уже после перестройки, задумался Челенков, почему очереди были. Могли ли больше магазинов открыть? А ведь не могли, не то что безработицы не было. Везде и всегда рабочих рук не хватало. Страна строилась. Дома, заводы, садики, школы. И везде нужны люди. А тут война, унёсшая десятки миллионов человек и ещё несколько миллионов сделав инвалидов. Чтобы открыть больше магазинов нужно от настоящей работы, созидательной оторвать миллион людей. Из штукатуров в продавцы. Ничего продавцы в отличие от токарей или штукатуров не производят. Ну, и открыли бы больше магазинов, исчезли бы очереди и появились пустые полки. Фёдор детство вспомнил, как стоял почти каждый день в очереди за молоком и всё боялся, что отстоит часовую очередь, и прямо перед ним молоко закончится. Да и заканчивалось. И не раз. И вечное: «За молоком, или творогом, или сметаной больше не занимайте!» Открыли больше магазинов, отстоял очередь не час, а десять минут, и всё равно перед самым носом молоко закончится. А почему полны магазины после перестройки? Нет. Не экономист. Но откуда-то взяли.

Песня не давалась. Всё же Наташа не певица, то тут сфальшивит, то интонацию не ту даст. И хуже всего, что Фомин и слышал-то песню всего несколько раз, не помнит точно, а как должно быть в идеале. Просто интуитивно понимает, что не правильно. Не так надо. А как надо? Вот и бились, через тернии к звёздам прорываясь. *Per aspera ad astra*. Древнеримлянин Луций Сенека сказал. Сказал и помер, (на смерть) хорошо ему, а они вот мучаются. На сегодня решили песню первый раз представить на суд зрителей. Ну, в смысле, спеть для остального семейства Аполлоновых.

Мандражировали. Не так чтобы совсем тряслись, но волновались и потому финальный прогон без зрителей прошёл совсем плохо. Наташа даже заканючила, что лучше ещё недельку поготовиться, есть же время ещё до девятого мая.

– Пошутить?

– Чего пошутить? – глазами зелёными захлопала. Красота, аж пришлось головой трянуть.

– Про тебя и твои отговорки пошутить?

– Издеваешься. Шути! – теперь глаза осуждающие.

– Если я боюсь – это осторожность. Если ты боишься – это трусость!

– Гад.

– Полегчало?

– Нет. Ещё давай. Шути, – а глаза теперь, как трава в мае. И чуть менее испуганные

– На детских утренниках мальчиков всегда одевали зайчиками, а девочек – снежинками.

Вот и выросли – трусливые женихи и ледяные женщины.

– Зайчик, – колокольчики зазвенели.

– Наташик, ты мне три поцелуя за песню обещала, – вот лучший способ отвлечь.

– Точно зайчик.

Это в смысле – трусливый. Приди и возьми, если смелый, или это про «похотливый как заяц», а нет, там кролики. Ну, значит про смелость. Вовка подошёл к «певице» и забрал у неё саксофон. Положил на самодельную кровать. Притянул зеленоглазую к себе. Не сопротивлялась. Губы встретились на полпути и... Тут же отпрыгнули, как коты, в разные стороны бросившись. В двери входной заскрежетал ключ. Мама Тоня с мелкой не вовремя вернулись.

– Это не считает.

– Конечно, зайчик.

Потом Фомин помогал чистить картошку и варить суп. Из комнаты Наташи раздавались звуки саксофона, и Вовка с чувством удовлетворения отметил, что вот в этот раз и не фальшивит ни капельки. Помогла смехотерапия.

Генерал Аполлонов пришёл в плохом настроении. Чего-то со спортом не ладилось? А точно, во всех же газетах есть. Матч века. Сейчас большие шахматисты переехали в Москву из Гааги. Идёт самый необычный турнир в истории шахмат. Два года назад умер Алёхин, который чемпион. И ФИДЕ (интересно, что «Е» – это шахматы) решила сделать ход конём, каламбур получается, провести матч с участием шести лучших шахматистов в мире, но перед самым началом турнира американец Ройбен Файн отказался от участия, а ФИДЕ опять сделало ход конём, решило оставить количество игр неизменным и провести турнир по пяти круговой системе, вместо четырёх, сначала в два круга в Гааге, а потом три в Москве. Вот, приехали в Москву, а лидер – Ботвинник взял и проиграл партию голландцу Максу Эйве. Есть о чём Аркадию Николаевичу переживать. И не успокоишь, пообещав, что чемпионом всяко-разно станет Михаил Ботвинник. А вторым Смыслов, совершенно не о чем переживать. Не поверит, но запомнит, а потом спросит, откуда сорока на хвосте принесла.

– А ты, Володя в шахматы играть умеешь? – отложив неожиданно ложку и, прямо вперившись в Фомина, спросил Аркадий Николаевич. Ну, значит, точно, про шахматный чемпионат думка.

– Второй юношеский, – сказал и чуть не схватился за голову. Откуда это у Фомина. Неоткуда. Это Челенков в детстве в шахматный клуб ходил. Потом футболом увлёкся и бросил.

– Ботвинник проиграл, – принял, как должное, генерал.

– У него же запас.

– Запас, завтра Сам вызывает. Не по шахматам, как раз по твоему футболу, в том числе. Пришло приглашение от ФИФА принять участие в Чемпионате мира. Я докладную записку написал, всё как ты говорил, и про коммерческие турниры в том числе. Вот, завтра на восемь

вечере вызывает. А тут Ботвинник, чёрт бы его побрал, проиграл. Обязательно Иосиф Виссарионович напомнит. Не вовремя как.

– Михаил Ботвинник выиграет этот турнир, – как мог более пренебрежительно, махнул рукой Вовка.

Доели молча суп.

– Товарищи Аполлоновы, мы тут с Наташей песню новую разучили про войну. Хотим силу искусства на вас опробовать. Согласны побыть подопытными кролик... зайцами?

Событие десятое

Если тебе грустно, то не нужно петь весёлую песню. Если тебе грустно, то нужно петь очень грустную песню. И тогда снова станет весело.

Лиза Фитц

«Это просто война, это просто разлука,
Это просто беда да, да, что на землю пришла,
Это просто судьба, злая доля и мука,
Это просто война, что мальчишку нашла,
Это просто война...»

Вовка отложил гитару. Всё время, пока Наташа пела, был к ней повёрнут и спиной к зрителям. Помогал, то глазами, то кивком головы, то улыбкой одобряющей. Почти зря волновался, начинающая певица отыграла на саксофоне свою партию на пять, а спела на четыре. Повернулся к семейству и чуть не присвистнул. Аполлоны плакали. Все трое, причём мама Тоня навзрыд. Лучше всего держалась мелкая Ленка – просто сопли по мордашке размазывая. Генерал сидел с красными глазами и из правого глаза, сидел чуть голову наклонив, слезинки стекали на кончик носа и с него срывались.

– Кха, Кха, – Аркадий Николаевич рукавом халата барского домашнего вытер слёзы, встал и ломанулся в прихожую. Вода зажурчала на кухне в умывальнике. Потом что-то сгрохотало. На помощь убежала мама Тоня и только мелкая осталась реветь.

– Нда, Наташ... – договорить не успел вернулись умытые Аполлоны.

– Володька вот скажи, мать твою, ну, почему ты не можешь жить как все люди? Вечно чего-нибудь такого отчебучишь, что после этого хоть стой, хоть падай. Вот что делать теперь? Ты представляешь, во что ты нас всех в очередной раз втравил? – даже ответа ждать не стал, махнул в сердцах рукой и пошёл к себе в комнату за папиросами. Зашёл уже с дымящейся, но, бросив взгляд на ревушую Лену, прошёл к форточке, открыл, в неё выдохнул.

– А что не так, «снайпера» убрать? – не понял Фомин. Вроде нормальный текст. Ну, вот снайпер в зелёнке, хотел же поменять.

– Снайпера? – генерал помотал головой, улыбнулся, – Мозги тебе надо поменять. Ты, даже не представляешь, сколько нам с Антониной теперь бегать придётся и денег тратить.

– Каких денег? – совсем ничего не понятно.

– Надо будет Наташеньке репетитора нанимать из консерватории – голос ставить, – подключилась мама Тоня.

– Зачем, чтобы спеть на школьной концерте? – всё ещё Вовка не въезжал.

– Да какой школьный концерт, вон вымахал выше меня на целую голову, а ума не набрался. Да ты такую великую песню написал, что теперь Наташе придётся петь её и на радио и на концертах, может даже перед Самим. Это же на уровне «Землянки» или «Жди меня». Это мне придётся такие связи поднимать, чтобы на тебя эту песню зарегистрировать. У тебя же ни музыкального образования ни... Да вообще у тебя никакого образования нет. И у Наташи нет. Кто ей такую песню доверит.

– Я доверю, – было бы из-за чего шум поднимать. Ну, пусть её заслуженные артистки поют. Русланова. Ага, уже раскручивается трофейное дело и скоро Русланову арестуют.

– Ты уже своё дело сделал! Как в это болото литературно-музыкальное лезть? – генерал загушил сигарету, но форточку не закрыл. Звенели трамваи вдалеке, ветер трепал на соседней крыше полоторванный кусок жести.

– Надо на пластинку договориться записать, – плеснула бензина мама Тоня.

Аполлонов подпрыгнул и пальцем в Вовку ткнул:

– Ну, понял теперь!

Словно не слушая их, Антонина Павловна сама с собой продолжила.

– На маленькую пластинку четыре песни надо. Если с одной стороны две военные, а с другой две лирические. Вова, – она вспомнила о виновнике кипеша, – Нужно ещё две песни и одну обязательно военную. Для женского голоса. Срочно нужно!

– Ага, добился! – обрадовался Аркадий Николаевич, – Впредь думать будешь, своей ударенной молнией головой. Тут, мать их, сейчас такой аппетит у всех проснётся.

– А малой кровью нельзя? – Фомин повернулся к Аркадию Николаевичу, – Споёт Наташа песню на концерте этом школьном, похлопают ей и забудут через неделю.

– Володенька, ты с ума сошёл, нельзя, чтобы такая песня пропала. Нужно обязательно пригласить на этот концерт известных журналистов и кого-нибудь из Союза Композиторов. Аркадий? – Антонина Павловна включилась в процесс раскручивания новой эстрадной звезды.

– Всё, Володька, самолёты задом не летают. Садись, пиши ещё две песни.

– Ну, одну я написал, – Нда, Окуджаву решил не обворовывать, но раз надо. Да и вон как глаза зелёные сверкают, – Хотел её Наташе отдать, но там саксофон никак не вписывался, пришлось другую придумывать.

– Пой, – бам и гитару уже в руки мама Тоня сунула. Деловая женщина.

– Это на ту же тему.

«Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
Стали тихими наши дворы,
Наши мальчики головы подняли —
Повзрослели они до поры»...

Опять слёзы, теперь у всех четверых. И зелёные глаза смотрят влюблённо.
Простите, Булат Шалвович, ей нужнее.

Событие одиннадцатое

Пить надо уметь, но лучше уметь не пить.
Александр Перлюк

Алкоголь убивает нервные клетки. Остаются только спокойные.
Джордж Бернард Шоу

Со столом для кухни Председателя Спорткомитета не заладилось. Так и хочется сказать от слова «совсем», но есть нюансик, потому от слова «твою мать». Главплотник стадиона «Динамо», он же дядя Паша, он же товарищ Краморенко, оказался запойным пьяницей. Вот почему у плотника высшее филологическое образование. Кому нужен филолог или скажем учитель Литературы, который по неделе в месяц просто в дымину пьяный. И самое не комильфо, что пьёт на работе. Это если на школу экстраполировать, то приходит он в класс на урок, открывает учебник и говорит:

– Сегодня ребята у нас Лермонтов. «Бородино». Кто скажет, как оно начинается?

– Я. Я. Я.

– Ну, давай Иваньков, у тебя самая длинная рука.

– Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?

– Неправильно Иваньков, Садись два, на самом деле Лермонтов написал так:

– Скажи-ка, дядя, ведь не сразу
Твоя жена с разбитым глазом
К разводу подала?

А всё почему. Культурно отдыхать мужу мешала. Вот принял бы он на грудь мерзавчик «Зубровки» и спокойно спать завалился, ан нет. Нашла заначку и перепрятала. Дал он, ну, я, ей в глаз. И по дороге сюда купил, таки, мерзавчик. Ну, вы уткнули носы в книжку и не подсматривать. А я быстренько опохмелюсь и продолжим Лермонта изучать, – достаёт чекушечку и прямо из горла. Занюхал рукавом...

Ну, как-то так. Выперли, понятно. И из школы и из семьи. На стадион «Динамо» дядю Пашу устроил Владимир Савдунин – полузащитник, один из знаменитой команды лейтенантов. Пришлось им вместе недолго повоевать и там лейтенант Краморенко спас жизнь Володьке. Вовке тёзка так эту историю поведал: «В сорок втором году дело было. Однажды ехал в трамвае на работу, и меня одолели мысли о том, что вот я, здоровый парень, сижу здесь, в тылу, в то время как идёт такая страшная война. В тот же день подал заявление на фронт.

Направили меня сначала в пехотное училище в Ярославль, откуда уже после окончания на передовую в район Харькова отправили. В первом же бою, наш отряд попал под массированную танковую атаку врага. У пехотинцев была одна винтовка на пятерых, у артиллеристов – по три снаряда. Разбили нашу часть. Почти живых не осталось. Меня в блиндаже засыпало. Сам бы не выбрался, ещё и бревном ноги зажал, не пошевелиться, вот дядя Паша меня и откопал. Часть нашу из-за огромных потерь расформировали, так что больше я лейтенанта Краморенко и не видел. Меня-то под Воронеж отправили, а он, как потом выяснили, в Курске оказался. А в прошлом году встретил его в Москве. У магазина копейки выпрашивал на опо-

хмелку. Поговорил с Якушиным. Тот договорился с директором стадиона – плотником взяли. Ещё бы пить бросил. Золотые ведь руки у человека».

Руки и, правда, золотые. Как там, в «Джентельменах удачи» – слабохарактерный. Запой закончился только через неделю после того, как зарплату выдали. Ходил дядя Паша злой и работающий. Всё что нужно и не нужно быстро починил и пришёл за замечаниями к директору, а у него как раз Вовка сидит. Вовка договаривался, что пока команды не будет, он на малой арене со своими «молодёжниками» поиграет. Получил разрешение и подождал за дверью, пока выпивоха с золотыми руками получит «последнее» предупреждение.

– Дядя Паша, есть один интересный заказ. Стол хочу разборный сделать. Не сможешь.

– Ни! Ни! Семёныч ругается! – кивнул на кабинет директора.

– Я сам не справлюсь. Там массив набирать надо.

– Ни. Лается, вылупком назвал (Выродок), – отошли уже, но шёпотом сказал.

– Дядя Паша. Ну, очень нужно. Я генералу Аполлонову обещал. Да и невеста обедает на двери, которую на табуретки положили.

– Для дивчины? Це святое. Дашь на опохмелку.

– Нет. Дядя Паша, может, попробуешь бросить пить-то. У меня мысль есть, открыть артель по производству мебели, мои эскизы, помещение. Инструмент подберём. А ты там рулить будешь. Только сам понимаешь, рулевой и пьянка вещь несовместимая.

– Ни, Володька, шо я навижэный (сумасшедший) не смогу. Сто раз бросить хотел. Слово себе давал, та и жёнке. Дочери. А як иду мимо магазина, так ноги сами туда несут, и пока всё не пропью, не могу остановиться, – вздохнул тяжело и посмотрел ну очень просительно.

– Нет, дядя Паша, стол же будем делать.

– Тоды не будемо.

– Будем. И артель организуем. Слушай, а если это будет, где в лесу, ну, где нет магазинов.

Где нет водки.

– Лес це не преграда.

– Стоять. А, ну это я себе. Я знаю, что нужно сделать и знаю место, где водки не достать.

– И где? – а в глазах мутных надежда засветилась.

– Сначала стол для Аполлоновых, – понятно с генералом же о непростой вещи придётся договариваться.

– Пошли. И что точно оградишь меня от змея зелёного, сразу на чистом русском, без мовы. Филолог же.

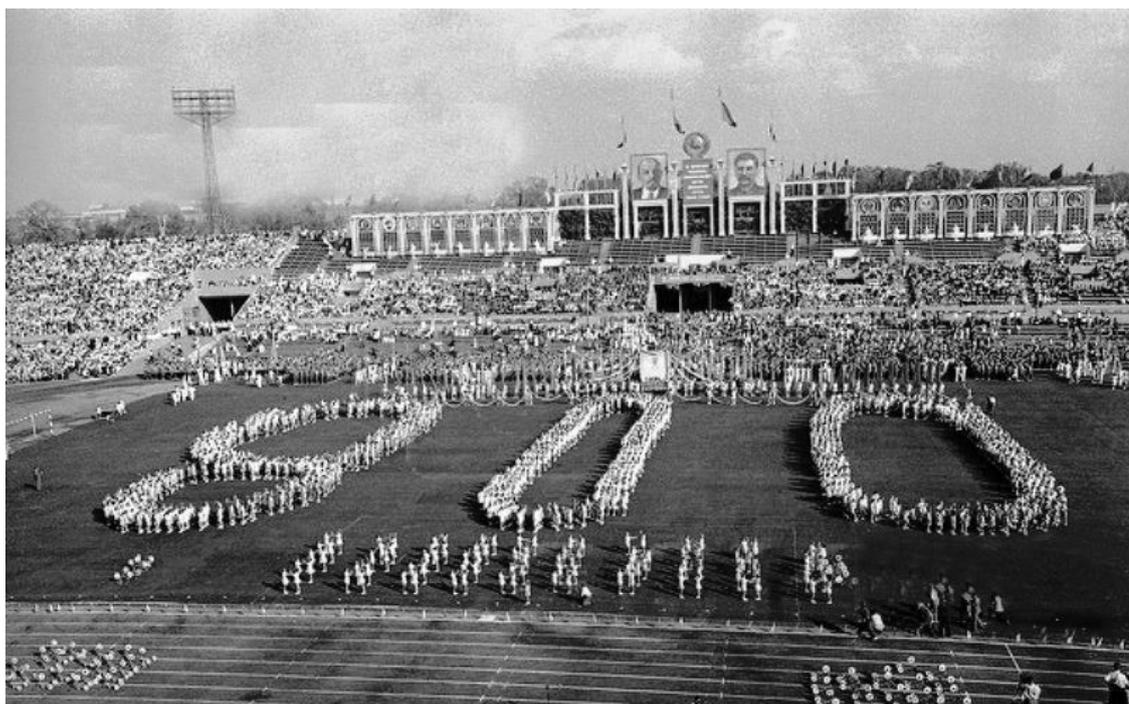
– Христом богом клянусь.

– Я – коммунист!!!

– Тогда Карлом Марксом. Вылечить не знаю, хоть и спрашиваю про экстрасенсов, а вот ограду от змея точно.

– Ох, не отставай, мигом тебе стол изладим. Опять с секретами всякими. – уже чуть не вприпрыжку понёс свои старые кости к мастерским.

– Опять, дядя Паша. Опять.

Глава 5

Событие двенадцатое

Разум всегда сдаётся первым, не тело. Секрет в том, чтобы заставить твой разум работать на тебя, а не против тебя.

Арнольд Шварценеггер

Что тренируется, то развивается...

Алексей Ефимов, из книги «Некродуэт»

Получив, наконец, в своё распоряжение поле футбольное, а не только засыпанную шлаком беговую дорожку, Фомин забросил нафиг все эти хрени с набором спортивной формы и всякие другие беги с утяжелением и теперь только занимался двухсторонкой. Разделил своих двадцать великовозрастных пацанов пополам и играл с ними часами в футбол.

Счас! Первая тренировка была, как и раньше, чистое ОФП. Поднялось ворчание. И так-то двадцатилетние почти дядечки по непонятной причине должны слушаться шестнадцатилетнего пацана, так теперь поле есть, а в футбол всё одно играть не даёт. Фашист проклятый. Если бы хотели стать бегунами, то пошли бы в секцию лёгкой атлетики, а пошли в футбольную, мать её, секцию. Подавай футбол! Даёшь футбол! Даёшь футбол!!!

Вторую тренировку и стали проводить на поле. Только в футбол в прямом смысле этого слова один чёрт не играли.

– Мужики. Просто бегать и пинать мяч дело интересное, но мастеров из вас не сделает.

– А что сделает? Бег с блинами? – раздались почти выкрики. Да, чего уж почти, выкрики и раздались.

– С блинами тоже. Только раз поле есть, будем теперь финты разучивать, – Вовка увидел ожидаемую реакцию. Народ аж подпрыгнул от радости. Финты – это да! Это лучшее, что есть в футболе! За финты двумя руками. И ногами.

– А ты знаешь? – этого сам Вовка в Молодёжку затащил, вспомнив фамилию и отыскав с помощью Аполлонова – Валька Жемчугов. В реале в «Динамо» появится через год.

– Показали парочку, – поскромничал. Знал десяток.

– Давай! Показывай! – хором заорали.

Ну, Вовка и показал. Красивый и не самый сложный. Финт Зидана, или как его в литературе называют – «Марсельская рулетка». Футболист, пытаясь обыграть соперника, слегка приостанавливает мяч правой ногой, позволяет ему катиться назад, а затем резко совершает поворот вокруг своей оси и продолжает движение вперёд, одной из ног перекатывая мяч по направлению своего движения, одновременно укрывая его корпусом от защитника.

– Смотрите, этот финт нужен не для того, чтобы зрителям или там невесте показать, какой ты крутой футболист. Он нужен для создания свободного пространства, в условиях плотной опеки нападающего защитниками. Ещё можно использовать, если вратарь очень далеко выходит из ворот, вот тогда можно использовать его для обхода вратаря противника.

– А как называется? – Это Лев Яшин про вратаря услышал. Кстати, будущий «Чёрный паук» любит выбежать вперёд.

Да, название финта – это очень важно. На самом деле. Комментатору нужно блеснуть красивым термином, журналисту количество строчек важно в статье, и описание финта с названием – это целая куча этих строчек. Да и для футболистов важно, нужно же и после матча в раздевалке себя похвалить. И услышать от тренера подсказку. «Финт Зидана»? Так ещё и не

родился Зинедин Язид Зидан. Даже родители этого товарища, наверное, в своём Алжире не родились ещё.

Назвать «Марсельская рулетка»? Нет. Ведь его будут заимствовать другие игроки, из всяких вражеских стран в том числе. Пусть заимствуют русский финт. И как же назвать?

– Русская мельница!

– Ура! Даёшь «Русскую мельницу»!

– Ещё раз, мужики, смотрите. Для такого сложного трюка есть только три решающих шага. Во-первых, начните с медленного прохождения шагов. Шаг первый: подойдите к защитнику с мячом, катящимся перед вашими ногами. Когда вы будете готовы, остановите мяч и слегка потяните его назад своей правой ногой. – Вовка медленно показал.

– Да понятно всё! – не терпится людям.

– Шаг второй: развернитесь на 180 градусов и поставьте ту же ногу между вами и защитником. Теперь ваша спина должна быть обращена к защитнику.

– Понятно, а если я левша? – вот уже сложности пошли. Вовка поменял ноги и продемонстрировал оба шага для левши. Нашёлся один. Фомин раньше и не обращал на это внимание. Ну, и замечательно, сюрприз будет для соперника.

– Шаг третий: поймите мяч своей левой ногой, Игорь, для тебя правой. Катите мяч назад и в сторону, продолжая свой бег. Вы должны завершить поворот на 360 градусов. В этом случае вы будете двигаться уже влево или вправо от защитника. И последнее – этот финт лучше всего работает, когда защитник идёт на вас сбоку или под углом, а не прямо. – Вовка несколько раз продемонстрировал «Русскую мельницу» перед, в нетерпении уже подпрыгивающими, футболистами. Блин, по двадцать лет мужикам, а всё ещё как дети.

Разбил их по парам. И все начали отрабатывать!!!! Сейчас. Мячей всего три. Да и то один насмерть убитый и не круглый уже. Не квадрат, понятно. Но и не сферический конь в вакууме. Только таким яйцеобразным этот трюк не отработать, только себя, а не соперника можно запутать. Потому два часа споров и криков, когда кто-то решал оказаться умнее других и влезть не в свою очередь. Две пары отрабатывали с мячом, а остальные почти с таким же энтузиазмом вообще без мяча. Поле скользкое и грязное, потому пришли в раздевалку свинюшками ещё теми, особенно те, кто сегодня защитников изображали. Им ведь непременно нужно помешать товарищу мимо проскользнуть. Падали в грязь регулярно.

Зато сколько радости на лицах. Всё, добрались, наконец, до футбола.

– Володя, а завтра новый финт покажешь? – Валька, как самый общительный, высказал общую надежду.

– Нет. Я знаю ещё пару финтов, но будем неделю отрабатывать этот, пока не будет получаться автоматически.

– Ну, хоть покажешь????!! – хором.

– Через неделю...

– У-у-у!!!

События тринадцатое

Личность ихмыльнулась.

– Знаю, Бритт. Знаю. У тебя нет предубеждений. Ты понимаешь, что я человек, который случайно оказался в инвалидном кресле. А не инвалидное кресло, в котором случайно оказался человек.

Фредерик Бакман, из книги «Здесь была Бритт-Мари»

Бывшего завхоза МВД – бывшего полковника – Игнатова Петра Ильича Вовка по адресу не застал. Вообще, странно, большой же шишкой был, а тут «Марьиная роща» и двухэтажный деревянный барак, ну ладно не барак, а дом, но это точно не «Дом на Набережной». Неужели завхоз не мог себе в таком ведомстве нормальной квартиры пробить.

Неправильные люди!!! Всё для государства, для Родины и ничего себе. Сталин вон тоже шинель внукам и сапоги стоптанные оставил. А где дача на Рублёвке, или как у Лунтика – поместье? Нет. Не правильный завхоз, а ещё Аполлонов его жучилой назвал. Какой он нафиг жучило, если живёт в бараке в «Марьиной роще». Улица называлась Шереметьевская. Добирался долго, сначала на метро до станции Маяковская, потом автобусом. Жалко было времени потраченного. Хоть оставайся и жди у подъезда. Ну, раз оказался в таком известном районе, то решил хоть осмотреться. История. Снесут здесь всё и домов нормальных понастроят. Но никакой историей и не пахло. Словно к себе в посёлок рядом с Куйбышевым попал. Кирпичные старые коробки каких-то заводов, бараки, дома старые, видимо ещё купеческие. Ничего интересного. Бандиты тоже пачками не ходили. Как, впрочем, и милиционеры. Домогаров вот не попался. Опять в кино соврали. Обычный промышленный район. Вернулся назад, снова постучал в обшарпанную тёмно-тёмно-коричневую дверь квартиры. Глухо. Как в танке.

Вышел на улицу, прошёл десяток шагов по направлению к автобусной остановке и тут глаз зацепился за стол с лавками в соседнем дворике под липами. Зелени ещё нет на деревьях. Только почки начали раскрываться, но вот липу из-за прошлогодних соцветий с другими деревьями не спутаешь. За столом сидело четверо мужиков и играло в домино. Обычная картина. Одно но. У одного мужчины не было ноги. Подвёрнута штанина чуть ниже колена и рядом два костыля стоят.

Нет, завхоз сделал или добыл, там, себе протез бы, и не на костылях передвигался, а с палочкой. Нет, не может этот лохматый гражданин был полковником. А ноги сами несли к столу. Мужики, как раз сделали рыбу, и дружно гоготали над проигравшей парочкой. Громче всех как раз инвалид и заливался, такой смех картинный, как за кадром в плохих американских комедиях, где зрителям показывают, что всё мол, братан, вот тут надо смеяться. Пора, а то пропустишь смешной момент.

– Извините, товарищи, – подошёл Фомин к столу, – не знаете, где может быть Игнатов Пётр Ильич вон из того дома?

– О, Петро, по твою душу, не иначе комсомольцы опять на собрание в президиум хотят посадить, – мужичок неказистый, что сидел напротив инвалида, тоже инвалидом оказался. Руки левой не было. По самое плечо. Неудобно, наверное, с одной рукой играть в домино. Видимо справляется.

– Вы – полковник Игнатов? – обрадовался Вовка.

– Точно в президиум, – резюмировал однорукий и на удивление ловко, стал себе самокрутку сооружать.

– Я, – ох, ты, а взгляд-то милицейский. Вмиг всего Вовку взглядом этим обшарил и даже на зашитом кармане пальто на секунду задержался.

– Пётр Ильич, мне Аркадий Николаевич Аполлонов вас порекомендовал. Дело у меня к вам есть, – самого козырного туза зашёл Фомин.

– Аполлонов? Не комсомолец выходит? – тоже стал себе самокрутку сворачивать бывший полковник.

– Ну, почему же – комсомолец.

– Спортсмен. Стой, да ты Фомин!? В газете видел фото. – Полковник привстал чуть пересев от края, место Вовке уступая, – Садись. Мужики это же тот самый Фомин из «Динамо» нашего, что чехам победный гол забил. Ну, в «Советском спорте» статья была. Молоток, так им братушкам и надо. Но играли они хорошо. Уважаю. Только и наши молодцы не уступили чемпионам мира. Надо и нам на чемпионат съездить, расколошматите там и их и канадцев хвалёных? – протянул кисет.

Мужики полезли пожимать Вовке руку, хлопали по плечам, потянули к нему кисеты, а невысокий седой мужчина с повязкой на глазу и большим шрамом через всё лицо протянул пачку «Новости».

– Спортсмен же, не курю, но за предложение спасибо.

– Молоток паря! – опять по плечам могучим постукали. Получается, что все четверо инвалиды, у четвёртого тоже руки нет, только обрезана ниже, только кисти не хватает.

Много, даже очень много ещё инвалидов в стране. Миллионы, наверное. Фёдор Челенков читал как-то в интернете, что их (инвалидов) в начале пятидесятых годов всех из Москвы и других крупных городов вывезут чуть ли не за одну ночь в специальные интернаты, созданные в отдалённых уголках огромной страны. На Валааме в том числе. Вот ходили они по улице, милостыню просили или, как эти четверо, в домино играли, а настало утро, и нет ни одного в Москве. Верилось в это с трудом. Тем не менее, в воспоминаниях детства Фёдор Челенков почти не помнил этих инвалидов, какая-то правда видимо в той статье была. Может, и не за одну ночь, но точно вывезли.

– Пётр Ильич, нам бы поговорить, – Вовке ещё к Аполлоновым надо было успеть. Песню очередную разучивать, а эти спортивные воспоминания могли надолго затянуться. Скучно мужикам, а тут такой повод поговорить. С настоящим хоккеистом. Не легендой, но всё же.

– Поговорить? – Полковник с сожалением глянул на доминушки, словно предчувствовал, что прощается с ними. Что не просто так этот хоккеист здоровущий припёрся и жизнь теперь у бывшего завхоза МВД круто изменится, не до доминушек станет.

– Поговорить, – покивал Вовка его невысказанным мыслям.

– Что ж, пойдём, паря. Не ждите мужики. Чувствую, от этого комсомольца так просто не отделаться. Да и ужинать пора скоро. Покедова, – он ловко подхватил костыли и гигантскими шагами кузнечика, прямо по рыжему ещё от прошлогодней травы газону, заспешил к своему подъезду.

Событие четырнадцатое

Тому, кто знает, как упорядочить свою жизнь, будет уютно даже в аду.

Какое же это счастье – отпереть входную дверь и вдохнуть запах родного дома!

Полковник так Вовку вперёд и не пропустил, ну, там дверь в подъезд придержать, сам управлялся. Дошли до двери в квартиру. Не коммуналка же. Квартира. Многие всё ещё в деревнях, где война врезала, так врезала, и в землянках живут.

Игнатов снял с карниза над дверью, лежавший там ключ, и отпер дверь. Стоит ли закрывать, если ключ вот он, доступен для любого. В однокомнатной, но довольно большой квартире было чисто и опрятно, чувствовалась женская рука. Вовка огляделся, как тут себя ведут, разуваяются, тапочки тогда должны быть. Ага, вон стоят, как в музеях, сшитые из куска плотной ткани.

– Заходи, комсомолец, только обувь снимай, А то Галина придёт по ушам и тебе и мне надаёт.

Прошли, понятно, на кухню. Там все великие дела решаются, там правительству указы выписывают. Ещё не диванные эксперты все, а кухонные.

– Чай будешь? – Игнатов мотнул головой, показывая на, стоящий на электроплитке, большой зелёный эмалированный чайник.

– Плитка у вас самодельная? – Вовка устал от примуса. Надо себе такую же.

– Так тебе плитку надо? – как-то поскучнел полковник.

– Плитку? Плитку надо. А вы что ли сами делаете? – врубился Фомин.

– Так ты за плиткой или не за плиткой? – перевалился с костыля на костыль Пётр Ильич.

– Нет, товарищ полковник, я не за плиткой, но если вы их делаете, то я две штуки куплю. – Точно надо одному генерал-полковнику плитку добыть, а то там тоже всё на примусе готовят. Вон штаны и через два месяца чуть керосином пованивают. После того как Аполлонов на него его опрокинул и разрушил эту конструкцию.

– Чего же не продать. Пятьдесят рублей. Только не говори, «ого», не хочешь, так и не бери. Другие желающие найдутся, – как-то скукислся, невместно полковнику торговать. Да, вот жизнь заставит и не так раскорячишься.

– Хорошо, Пётр Ильич, я две штуки куплю, если есть. – Фомин достал из кармана подаренный на 23 февраля мамой Тоней кошелек, вытащил единственную оставшуюся с зарплаты сторублёвку. Там ещё рублей на тридцать оставалось мелочёвкой. Ничего, на Третьяковские деньги, что он ему оставил, уезжая в Гагры, проживёт. Плитки нужны. Давно ведь хотел купить. Срослось, – Только я не за плитками, товарищ полковник. Я хочу вам предложить артель создать по производству мебели. Есть у меня пара идей.

– Ну, ты Фомин, врезал сейчас. Комсомолец! Непман недоделанный! – а глаза весёлые.

– Я тут эскиз и как бы чертёж кровати совмещённой со шкафом нарисовал, посмотрите. – Вовка протянул доработанный с помощью учителя черчения в их вечерней школе эскиз шкафа – трансформера.

Игнатов принял листки, рассмотрел внимательно, перевернул, нет ли чего на обороте, и, хмыкнув, сунул, сложив, в карман поношенного пиджачка, в котором остался сняв шинель. Почему не в кителе? Бережёт, наверное. На парады и для встречи в коллективы комсомольцев надевать увешанный орденами мундир. Наверное? А может просто стесняется, слесарь, блин – полковник?

– Интересная штукавина. Не дурак ты Фомин. Аркадию Николаевичу спасибо скажи. Теперь давай по порядку. Что есть, что нужно? Аппетиты? На мебельную фабрику замахнулся? – выходит не обманул генерал – «Жучило».

Вовка рассказал о кровати, о дяде Паше, о том, что не плохо бы всё это организовать за колючей проволокой из расконвоированных, или как там это называется, но чтобы доступа к водке не было. Достал второй рисунок со складным столом. Рассказал о шкафе-купе, вписанном между тремя стенками. Словом, целый час бизнес план рассказывал.

Полковник чувств не выражал, слушал молча, иногда поводил бровью, но что это – неприятие или одобрение по физиономии не скажешь. Спокойное расслабленное лицо. Закончил Вовка и спросил, что думает по этому поводу Игнатьев.

– Ты, Фомин, молодец. Говорил уже. И мысли не плохие про мебель. Про зоны... Там и так мебель делают. Не такую, спорить не буду. Тут ты всех обскакал. И то, что двух убогих хочешь приставить к делу – молодец. А вот то, что ты динамовец – это плохо.

– Я не совсем динамовец, ну, в смысле я не милиционер. Я – пацан. Мне шестнадцать лет.

– Ни хрена себе поворот! – чуть не подпрыгнул на одной ноге инвалид, – Правда, что ли?

– Правда. В «Динамо» работаю на полставки тренером молодёжки. И ещё стипендию получаю.

– Тренером в шестнадцать. Да, комсомолец, умеешь ты удивить. Ну, тогда попроще. Давай так мы с тобой договоримся... – Полковник глянул на отрывной календарь, что висел на кухне, приподнялся на руках, опираясь на стол, и снял его. Полистал, потом положил на стол и припечатал ладонью. – Пятнадцатого апреля приходи. Если какие вопросы будут, я тебя через Аркадия Николаевича найду. Да, Фомин, тебя же Вовкой зовут?

– Вовкой, – согласно кивнул.

– Так вот, Вовка, ты пока этому дяде Паше ни полслова. Усёк?

– А что?

– Ну, пьяные компании языками мелят. Нам это не надо. Ну, нам, если я решусь. Пока просто поузнаю, связи кое-какие подниму. Подумаю. Пятнадцатого жду. У Аполлонова стол и кровать эта?

– Да, в квартире.

– Хорошо. Давай, освобождай помещение. Сейчас Галина придёт, не любит гостей. Ругаться будет.

Глава 6

Событие пятнадцатое

Тёлки, тачки, бабки... Милые картины родной деревни...))

Самые хорошие домашние животные – комары: кормить не надо... хоронить тоже.

Бывший старший батальонный комиссар Тимофей Миронович Семёнов, работавший сейчас комендантом общежития Высшей офицерской школы МВД СССР горькую не пил. Нет, по праздникам мог позволить себе грамм сто водочки, да и то под нормальную закуску и с двух подходов. Выпить пол стопочки, закусить, чем бог на праздник послал, и, допив остатки, уже налечь на праздничный обед, что сам себе и приготовил. Семьи не было. Погибла на войне вся. Под Запорожьем, в пригороде, в частном секторе, в доме на две семьи. Жили. Да, правильное слово «жили»... Как сказали потом соседи по улице, уже после войны, когда смог навеститься в город, бомба авиационная большая попала в их дом, и не выжил никто. Даже раскапывать никто не стал. Потом уже, после освобождения, завал разобрали и похоронили всех в братской могиле. Семёнов уже в то время работал комендантом этого общежития и возвращаться в Запорожье не захотел, что ему там делать. В Москве хоть какой угол есть, и при деле, хотя и инвалид. Жил в этой же общаге, занял на первом этаже бывшего Иоанно-Предтеченского монастыря келью кого-то из начальствующих раньше здесь монахов, и на жизнь, в смысле, на житьё-бытьё, не жаловался. Угол и неплохой есть, зарплаты на еду хватает, а главное, при том, что инвалид и руки одной нет, при деле. Весь день в заботах, с этой молодёжью, хоть они и из органов, всё проблема на проблеме, руками мало что умеют делать, вот и приходится, несмотря на то, что рука-то одна, то плотника из себя изображать, то сантехника, то кровельщика. Приноровился.

Пристроил его на эту должность по знакомству генерал-полковник Аполлонов Аркадий Николаевич бывший заместитель министра МВД. Сейчас назначили Председателем Спорткомитета при Совете Министров СССР. Повышение, наверное. В этот вечер Тимофей Миронович сварил себе картошки в мундире, порезал купленное на рынке сало и глянул на тумбочку, в которой стояла початая бутылка беленькой, только потянулся, решив, что раз суббота и неделя трудовая закончилась, то остограмиться и можно бы. Тем более, сегодня – «Родительский день». Нет, шибко в бога бывший комиссар не верил, да в принципе и не шибко тоже не верил, но вера, она верой, а помянуть родителей, да и жену с двумя ребятишками никто не может и коммунисту запретить. Вспомнить, жену Людмилу и пацанчиков Вовку и Стёпку.

Встал и направился к тумбочке и тут на полочке у двери задрезжал телефон. Кому ещё чего на ночь глядя нужно? Не ждал комендант звонков. Если только с самого верха, опять кого поселить из не очень больших милицейских начальников на несколько дней. Гостиницы не забронировали вовремя. Пришлось сменить маршрут и подойти узнать, чего звонят в неурочное время.

– Слушаю вас, – поднёс тяжёлую трубку к уху Степанов.

– Привет, Тимофей Миронович. Это Аполлонов тебя беспокоит, не забыл, – ох, ты неожиданно.

– Что вы, Аркадий Николаевич, рад, что старика вспомнили. Поселить кого надо на пару деньков? – хотя, ведь не в МВД теперь служит. Ну, да ладно, найдётся местечко.

– Нет, спасибо, но по другому делу звоню. Тут... – там замялся генерал на пару секунд, – Словом, Мироныч, архиважное дело у меня к тебе есть. И это не телефонный разговор. Если не занят сверх меры, то подъеду минут через пятнадцать.

– Под водочку разговор? – сколько там осталось в начатой бутылке. Нет, на двоих не хватит.

– Нет, Мироныч. Без водочки. Очень серьёзный разговор. На трезвую голову нужно всё обдумать и обговорить.

– Понял, Аркадий Николаевич. Жду. – Интересно, чего это генералу могло от него такого серьёзного понадобиться.

Бывший старший батальонный комиссар повесил трубку и глянул на стол. Ну, раз угощать Аполлонова не нужно, то не мешает и перекусить, а то в обед и поесть не успел, со студентом одним, проштрафившимся, пару листов железа на крыше меняли. Подтекать стала. Извозюкался весь и устал, не простое это дело с одной рукой по крышам лазать. Один раз чуть не сорвался, хорошо студент придержал. А то и не с кем бы было генералу дела не телефонные обсуждать.

Поел, вымыл тарелку Семёнов и решил выйти на двор бывшего Иоанно-Предтеченского монастыря – встретить гостя. Аполлонова привезла чёрная эмка. Остановилась за воротами. Одетый в тёмное длинное пальто Аполлонов издали увидел коменданта и махнул рукой подзывая. Снял шляпу здороваясь.

– Давай, Мироныч, пройдемся по двору твоему, а то целый день на совещаниях да бумаги подписывал, даже задница сплющилась.

– Чего не пройтись, вон там садик, правда, ещё не цветёт ничего. А когда черёмуха-то цветёт, запах, проходишь, и аж с ног валит.

– Пойдём в садик, – прошли по мошёнкой булыжником дорожке и оказались в монастырском, укрытым высокой стеной от любопытных, двореке.

– Мироныч, тут такое дело, – не затягивая начал Аполлонов, – Фомин, постоялец твой, учудил тут.

– Вовка, хороший же парень, а песни какие поёт, всё общежитие собирается послушать, – встал на защиту Вовки комендант.

– Слов нет, хороший парень. Зятем, даст бог, станет. Не об том сейчас. Он в Ленинской библиотеке бумажку нашёл, у какой-то графини изъятую в революцию. Нет, там... В общем, на той бумажке чертёжик есть, и написано, что там клад спрятан.

– Ох, ты. Так клад нужно государству сдать. – Даже и не раздумывал Семёнов.

– Клад, да, положено сдавать государству. Но это не клад, он спрятан после революции.

– А в чем разница? – мотнул головой комендант.

– Раз спрятан после приёма декрета о земле, то это находка. Не клад. Если там драгоценности, то нужно сдать в милицию, и они должны искать собственника, ну, а раз графиня или граф, а может и оба, сбежали за границу, то находка достаётся тому, кто нашёл. Он её всё одно должен сдать, а ему в рублях стоимость драгоценностей выплатят. – Аполлонов остановился и посмотрел бывшему старшему батальонному комиссару в глаза.

– Вот как, ясна диспозиция. Мне найти нужно? – чуть боязно. Могут обвинить в сокрытии части клада-находки.

– Да, вдвоём с Вовкой. Вот только нужно это сделать при свидетелях, чтобы точно никто не смог потом сказать, что что-то себе взяли. – Ну, значит, правильно Семёнов подумал.

– Так, как бы свидетели тоже не стали на долю претендовать, – хмыкнул Тимофей Миронович.

– Видишь сколько закавык. Да и это Вовка уверен, что клад там, а, может, и нет там ничего, – скорчил рожу генерал и руками развёл.

– И где это? В Москве? – уже включился в решение задачки комендант.

– Нет. В Ленинграде. Там ведь до революции все князья да графья жили. В доме этой бывшей графини, ну или графа.

– Обмозговать нужно, Аркадий Николаевич.

– Обмозгуй, Мироныч, и я ещё подумаю, лежал тридцать лет, ещё пару недель полежит. Давай на следующую субботу договоримся. Позвоню, опять здесь встретимся, обговорим окончательно.

– Договорились.

– Что-то и не спросил, здоровье-то как у тебя? – протянул руку, прощаясь Аполлонов.

– Да чего мне старому пеньку делается, покопчу ещё небо.

– Жениться-то не надумал, пенёк?

– А чего, вот разбогатеет, и женюсь, а то и жену вести некуда, ни кола ни двора. А так можно будет домик купить, где под городом, чтобы на электричке добраться можно.

– Это правильно. Может и мне рядом? Всё, бывай, Мироныч. Обмозговывай. – Аркадий Николаевич ещё раз пожал руку бывшему комиссару и пошёл, чуть сутулясь, к машине.

Событие шестнадцатое

Мало попасть в ворота, надо ещё промахнуться мимо вратаря.
Константин Мелихан

*Если ты не знаешь, что делать с мячом, запульни его в сетку, а
нюансы мы уже обсудим потом.*
Боб Пейсли

Неделю отрабатывали финт Зидана, а, нет, «русскую мельницу». Вовка, хоть и понимал, что время сейчас такое, снова сходил и к завхозу, и к директору стадиона и три мяча ещё выцыганил. Один тоже убитый, но хоть на четырёх можно уже отрабатывать, а то игроки больше спорили, чья очередь владеть мячом, чем занимались. Директор Капитон Матвеевич, покрутил пальцем у виска и, поругавшись, пообещал прийти на тренировку проверить, это за каким, мать его, хером нужно шесть мячей, чтобы в футбол играть. И не обманул же, пришёл, посмотрел на чехарду на поле, и поманил Вовку к себе пальцем.

– Ты, уверен Фомин, что Якушин это бы одобрил? Он за тебя поручился и Чернышёв, и даже гол твой чехам в газетах прописали, только вот вернётся Михаил Иосифович, и я ему поведаю, что вы тут вместо того чтобы учиться в футбол играть дурака валяете, – не стал ждать ответа. Ушёл, гордо лысую голову неся. Немножко на Хрущёва похож. Может, под него и подстраивается. Стоп. Хрущёв ещё и не лысый совсем, есть ещё волосы, он сейчас на Украине – Первым секретарём ЦК КП(б). Недавно в «Правде» фотография была.

Фомин посмотрел вслед директору стадиона и пошёл, организовал на всякий случай двухсторонку. Но не просто мяч попинать, а постараться финт изученный применить. Получилась полная лажа. Никто толком не играл, все старались эту мельницу и крутить. Вот, заставь дурака богу молиться. Вовка игру остановил и, построив народ, спросил:

– Что происходит? Зачем? В футбол играют, чтобы голы забивать, а не для того, чтобы красивый приём показать. Если он нужен, то, конечно, нужно применять, только это не цель, а инструмент. Давайте начнём сначала, только без фанатизма, играем в футбол, а не красуемся друг перед другом.

Только начали снова, и даже командная игра начала вырисовываться, как пришёл Чернышёв с остатками «канадцев» и тут как по заказу Володя Ишин совершенно правомочно и главное красиво финт Зидана и провернул Вальку Жемчугова, игравшего сегодня на месте правого защитника, обыграв.

– Ох, твою налево, Фомин, твоя работа? – Чернышёв чуть сам на поле не выбежал, чтобы такое повторить.

– Ребята во дворе показали, давно, – что ещё можно сказать?

– Удивительный город Куйбышев. Ничего, скоро съезжу, посмотрю на него. У вас же игра с их Крыльями, прямо одна из первых. За свои деньги билет куплю, посмотрю, на эти чудеса.

– Н-да. Там Серёгин может вполне достойную встречу организовать, – не заметил, как вслух сказал Вовка.

– Серёгин? Это тренер твой? – заинтересовался Аркадий Иванович.

– Ну, да, он сначала нас мальчишек тренировал, а потом его в «Крылья Советов» забрали. И, правда, скоро встретимся.

– Вовка, давай финт показывай, – тут же налетели и остальные хоккеисты. Всё же ещё год назад футболистами все были. Толком ещё и не разделились, кто станет окончательно хоккеистом, кто футболистом. По большому счёту, сейчас «Динамо» на чемпионат может и две команды выставить.

Пришлось показывать теперь и этим. Правда, увёл с поля на гаревую дорожку, чтобы не мешать молодёжке самозабвенно рубиться друг с другом.

На следующий день уже тренировались вместе. И Вовка решил ещё один из будущего финт показать. Этот был чуть сложнее. Финты – удел физически не самых сильных. Так, кажется, скажет через много лет Бесков. Именно Фёдору Челенкову скажет, смотря на его несерьёзные выкрутасы.

Есть просто замечательный финт, который мало кто может повторить. Сам Месхи как-то жаловался Фёдору, что его финт даже сын собственный не может повторить, как он его не учил. Вот сейчас нужно трём десяткам стоящим полукругом фанатам футбола показать. Не ударить бы в грязь лицом. Давненько Фёдор делал его в последний раз.

Сейчас он стоит лицом к защитнику. Резкий старт вправо с одновременным разворотом к сопернику боком. Мяч остаётся сзади у толчковой правой ноги – дальней от противника. При переносе центра тяжести на левую ногу, правая посылает мяч перпендикулярно движению тела, чуть подкрутив. На пути мяча ног нет – соперник рефлекторно рванулся за Вовкой. Далее взрывное ускорение – чтобы успеть «перебежать дорогу» перед соперником – и встреча с подкрученным мячом, который спешит навстречу Фомину. Если траектории мяча и игрока соединить – получится овал, посреди которого недоумевают бедняга-защитник. Фу, получилось.

– Да, ты Володя, уникам какой-то, говоришь, молния в голову прилетела. А ну-ка покажи, – Чернышев нагнул голову Вовке и ощупал всю, даже подул, чтобы волосы с темечка убрать. – Голова как голова. Ладно, чёрт с ней с молнией. Давай, ещё раз медленно показывай.

В этот день вторая тренировка растянулась на все четыре часа, пока обе команды попробовали.

Распуская всех, Чернышёв сказал, что с завтрашнего дня будут вместе тренироваться.

– А то так и отстать от жизни можно. Ты, небось, опять чего нового завтра придумаешь.

Мысль интересная. Есть ведь ещё один финт Месхи. Тот вообще за гранью. У самого Миши не часто получался. На скорости ведь делать надо. Тут и без рывка вперёд попробуй, сделай. Мяч захватывается двумя ногами и «брыкающим» движением пятки, как из пращи, посылается через собственную голову вперёд. Ну и рывок. Показать можно. Сейчас все фанатики, вдруг у кого и получится.

Событие семнадцатое

Деревенский изобретатель Кузьмич собрал автомобиль, работающий на спирту. Но Кузьмич всё равно ходит пешком. Зато в хорошем настроении.

Людская изобретательность имеет пределы. В конце концов начинаем повторяться. А потом зацикливаемся на старине.
Стивен Кинг

Вайлштейн Исаак Аронович – заместитель начальника Управления Промышленного Снабжения Всесоюзного комитета по Делах Физической Культуры и Спорта при Совете Министров СССР в рабочем кабинете смотрелся гораздо солиднее, чем когда бритвой собственноручно пытался в январе разрезать Вовкин нагрудник, чтобы посмотреть, а что там внутри. И стол солидный. Да в этом времени все столы такие. Большие, с двумя тумбами, обтянута столешница зелёным сукном и обязательно бронзово-малахитовый письменный прибор. И пресс-папье со следами чернил, тоже малахитово-бронзовое.

– Володенька, рад тебя видеть. Ох и задал ты нам задач своими новеллами. Канадцы патент выдавать долго отказывались, говорили, что у них уже есть это. Пришлось судом угрожать, согласились только на условиях, что патент им будет продан в бессрочное пользование.

Фомин вздохнул и руками развёл, чего-то такого и ожидал. Маху дал. Он сразу постарался изготовить форму уже следующего тысячелетия, а ведь промежуточной было полно, можно было внедрять всё постепенно и быть всё время на шаг впереди главных конкурентов. А теперь что? Всё – форма идеальная, ну, потом дельта-древесину заменят на разные пластмассы, когда их изобретут, на углепластик всякий, но это очень далёкое будущее, до него и не дожить, а сейчас эту форму улучшить уже нельзя и потому продавать патент, как бессрочный, это нести огромные убытки.

Исаак Аронович вышел из-за стола эдак, по-отечески, пожал руку Вовке двумя руками и ленинским жестом предложил присесть за приставной столик.

– Мне Аркадий Николаевич сказал, что у тебя и по футбольной экипировке есть идеи. Там, что можно улучшить, трусы сделать в обтяжку, как у борцов вольников или классиков трико, ещё на пару грамм облегчить? – раздвинул дверцы шкафа и вытащил сахарницу с конфетами шоколадными. – Наденька сделайте нам с молодым дарованием чайку покрепче и послаще, мозг сахаром питать надо, – выглянул в приёмную.

Наденька на длинноногих высоко... грудных секретарш двадцать первого века не походила ни разу. Это была маленькая серая пожилая женщина с сером костюме, роговых очках и с чёрными пальцами, из-за того, что не ладилось, что-то с пишущей машинкой, и она всё время ленту пальцами поправляла. Но чай принесла, словно кулер стоял у неё в подсобке. Прямо через минуту.

Вовка, пока процесс приготовления чая длился, сунул главному спортивному промышленнику эскиз бутс и шестью шипами и рисуночек самих съёмных прямоугольных шипов разной длины.

– Это нужно чтобы не скользить на сырых и вообще плохих газонах, особенно если игра проходит весной или в дождь. Я договорился, что одну пару таких бутс по моей ноге изготовит в обувной мастерской Александр Иванович Мокшанов. Нужно только изготовить закладные элементы, ну и сами шипы двух видов со штифтами резьбовыми. Да, я тут подумал, как это объяснить, ну, в общем, что-то типа рекламы, нужно Бескову или Соловьёву такие же сделать, за счёт вашего управления. Это ведущие игроки страны. Они оценят новшество и тогда все

захотят иметь такие ботсы. Если их внедрять насильно, то начнутся всякие трения, куча недовольных ретроградов появится, которые будут утверждать и с пеной у рта доказывать, что старые ботсы лучше. Потому надо сделать наоборот. Нужно чтобы все захотели иметь ботсы, как у Бескова. Почему Бескову с Соловьёвым можно, а мне нет, я ничем не хуже. Подать сюда Ляпкина – Тяпкина. Ну, вас в смысле.

– Ух ты! Как продумано всё у тебя, Володенька! Я кликну сейчас Гершеля Соломоновича. А вот и чаёк. Наденька, позвоните в Бюро Изобретательства, пусть Гершель Соломонович спустится в наши Палестины. Да и для него чашечку чая, пожалуйста, и не пускайте никого, чувствую, беседа с этим молодым человеком у нас сегодня затянется.

Затянулась. Ещё как затянулась. Опять про патенты и премии. Нет, Вовка не просил. Просто эти бумажные душонки не отпустили молодое дарование, пока заявку, как положено, не оформили.

Вовка выходя даже улыбался. Не ожидал, что все пройдёт как по маслу, ну, штыков тоже не ожидал, но чтобы два человека, которые отвечают за производство на десятках заводов и фабрик, будут полдня обычным школьником заниматься, тоже не ожидал. Или их Аполлонов настроил по-генеральски, или это авторитет самого великого изобретателя Фомина уже работать начинает. Ну, в смысле сначала ты на него, а потом он всю жизнь на тебя. А вот интересно, а звание «Заслуженный изобретатель СССР» за сколько изобретений дают? Чего бы ещё можно такого из спорта изобрести?

Глава 7

Событие восемнадцатое

Чем положение безвыходнее, чем более все сводится к одному отчаянному удару, тем охотнее хитрость становится рядом с отвагой.

Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц

Если кто-то по простоте душевной думает, что это сейчас всё плохо с чиновниками. И дураки они и хапуги, то глубоко он заблуждается. Ну, или «ОНА», но тоже заблуждается. Про глубину упустим. Всегда были и всегда будут. И дураки будут. И... Ну, всякие были и будут. В 1948 году тоже люди жили. И чиновники были. Никто их так не называл, «товарищами» называли. Были товарищи и во Всесоюзном комитете по Делах Физической Культуры и Спорта при Совете Министров СССР. Они хотели как лучше. И никто им в этом замечательном порыве помешать не мог. Один человек был, но он просто забыл об одном нюансике. Так, на подкорке было смутное чувство, что чего-то не так, или не совсем так, но чувство это в осознание, что именно не так, не воплотилось, и потому, всё пошло точно так, как и в Реале. А в Реале все пошло не так. В смысле, всё пошло оно... В общем, как и положено, при благих намерениях, все пошло вкривь и вкось. И это очень мягко сказано.

Разговор о чемпионате СССР по футболу. Это был уже десятый – юбилейный чемпионат. И составляли календарь и принимали решения, кто будет играть и как, победители и максималисты. Уничтожили фашизм, победили Гитлера и всю Европу, что уж чемпионат самый лучший в мире провести не сможем. Легко!!!

Итак. Турнир 1948 года задумывался как состязание команд всех союзных республик и крупнейших промышленных центров РСФСР и Украины. Решили максималисты всё же остановиться на цифре 30 (тридцать). Тридцать команд в чемпионате при практически полном отсутствии пассажирской авиации. На игры нужно ехать поездом. Но максималисты и это предусмотрели. Они разбили СССР на две зоны или группы.

2 мая 1948 начались игры 30 команд в двух подгруппах (зонах). Однако календаря игр не было, планировалось, что команды проведут игры по системе «каждый с каждым» в один круг. В период со 2 по 14 мая состоялось 30 матчей, 22 из которых были аннулированы в связи с изменением системы розыгрыша. После этих 30 игр максималисты одумались. Чемпионат продолжили 14 команд, в том числе и ВВС, которая должна была перейти классом ниже по итогам прошлого турнира. Выбыли в основном команды, что представляли столицы Союзных республик. Кроме них отцепили и Свердловск с Челябинском. Уж слишком далеко добираться. На что максималисты рассчитывали, что в одночасье в Сталинабаде (Душанбе) или Кишинёве с Ташкентом футбол разовьётся до уровня чемпионата страны? Нет, так мальчишками для битвы и остались. Ну, максималисты.

Но это попозже будет. И единственный, кто мог эту дурость предотвратить, Фёдор Челенков, он же Фомин Вовка про этот кусочек истории забыл. Только когда вернулась команда из Гагр, и сказал Якушин, что полного расписания чемпионата десятого по футболу ещё нет, но вот первая игра уже второго мая и придет их испытывать на прочность именно самая настоящая тёмная лошадка – «Динамо» (Сталинабад). А уже через четыре дня им надо быть в Ашхабаде. Где это вообще? И там играть с местным «Локомотивом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.